

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 2.

АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧЪ БУКА,

ИЛИ

КТО НЕ ПЛЯСАЛЪ ПО ЖЕНСКОЙ ДУДКЪ.

Оригинальная комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ.

И. Григорьева 1-го.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧЪ БУКА, старый совѣтникъ.

ВЛАДИМИРЪ ПЕТРОВИЧЪ ПЕРСКІЙ, его племянникъ.

ЗАХАРЪ ЗАХАРОВИЧЪ ЧИСТЯКОВЪ, двоюродный братъ Буки.

АННА ЛЬВОВНА ЕЛАГИНСКАЯ, молодая богатая вдова.

ВАРВАРА АНДРЕЕВНА, жена Чистякова.

ПИСАРЕВЪ, прѣхавшій изъ города чиновникъ.

СЛУГА.

Дѣйствіе происходитъ на дачѣ Чистякова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Служба — прежде всего.

I.

Г. и Г-ЖА ЧИСТЯКОВЫ сидятъ за чаемъ; **ЕЛАГИНСКАЯ** изящно одѣтая, сидитъ на маленькомъ модномъ диванѣ, передъ нею столикъ, заваленный газетами и журналами, которые она небрежно проглядываетъ.

ЧИСТЯКОВЪ, (прихлебывая чай). Эхъ, голубушка, Варвара Андреевна, ты такъ приваровилась къ моему вкусу, что я нигдѣ не могу пить чаю такъ аппетитно, какъ дома! Право! (прихлебывая) Просто сласть! — а какъ еще чмокну тебя въ уста сахарныя... (цѣлуетъ жену). Такъ еще слаще! ха! ха! ха! Что, Анна Львовна, согласитесь, что вамъ завидно смотрѣть на наши супружескія нѣжности?

ЕЛАГИНСКАЯ, (вздыхая). Ахъ, да! Впрочемъ, вы стоите, Захаръ Захарычъ, чтобы жена любила васъ отъ души. У васъ прелюбезный, преочаровательный характеръ! Вы всегда добры, веселы, снисходительны къ людскимъ слабостямъ, и ничего не жалѣете для удовольствій семейной жизни. Вы просто — мужъ, какихъ мало.

ЧИСТЯКОВЪ. Неужели? Слышишь, Варя?

Г-ЖА ЧИСТЯКОВА. Ахъ, Анна Львовна, пожалуйста не очень хвалите его, а то онъ, пожалуй, заберетъ въ голову, что онъ во сто разъ лучше меня, и чего добраго....

ЧИСТЯКОВЪ. Ха, ха, ха! какъ-разъ испорчюсь? Ахъ ты дряннушка! какъ ты смѣешь обо мнѣ такъ думать? да я тебя зацѣлую до полусмерти! (цѣлуетъ ее) Анна Львовна, удержите меня! Я ее съѣмъ! Какъ ты могла подумать, чтобы я былъ лучше тебя? Нѣтъ, дружечикъ, если пошло на откровенность, такъ я просто мужъ очень обыкновенный, а въ отношеніи личности, просто дрянь передъ тобою. Не такъ-ли, Анна Львовна?

ЕЛАГИНСКАЯ. Не правда, Захаръ Захарыч! вы въ десять разъ всѣмъ лучше вашего двоюроднаго брата, Андрея Степановича, и помоложе его.

ЧИСТЯКОВЪ. Ахъ, да! мы про брата-то и забыли. Что-то тамъ у него засѣлъ нашъ бѣдный Володя?.. Охъ, я увѣренъ, что братъ, какъ набожный философъ, только разругаетъ вашего бѣднаго жениха, и всѣ наши надежды лопнутъ, какъ мыльный пузырь.

ЕЛАГИНСКАЯ. Я также полагаю, а потому составляю такой рѣшительный планъ въ головѣ, который, при вашей помощи, вѣрно приведетъ наше дѣло къ благополучному концу.

ЧИСТЯКОВЪ. О, что до насъ, мы съ женой рады сдѣлать все, чтобы только устроить вашу свадьбу.

Г-ЖА ЧИСТЯКОВА. Да, хорошо, еслибъ теперь Володя выманплъ сюда Авдreja Степановича, такъ мы бы общими силами напали на этого Тартюфа.

ЧИСТЯКОВЪ. И все-таки, я думаю, не заставили бы его любить и уважать женскій родъ. Онъ на этотъ счетъ самый упрямый и отчаянный оригиналъ.

Въ службѣ только свѣтъ онъ видитъ,
Здѣсь — отшельникомъ живетъ,
Роль весь женскій ненавидитъ,
И пренабожно клянется!
Всѣмъ вамъ страшно достается;
При жещѣ—какъ листъ дрожитъ,
Скорчить рожу, отвернется,
Или — лыжи наостритъ!

Бѣдой женщиной онъ гроша
Не подасть, хоть вѣкъ проси,
Между тѣмъ, такой святоша,
Что и Боже упаси!
Про соблазвъ, пороки трубитъ,
Свято чтить посты весь вѣкъ...
А чины и деньги любить
Ужъ какъ грѣшный человекъ!

Но вообразите, Анна Львовна, когда ему было 30 и 35 лѣтъ, онъ вѣкъ былъ прелюбезный малый: любилъ всѣхъ хорошенькихъ, со многими даже затѣвалъ интрижки, развѣжалъ по баламъ, волочился...

ЕЛАГИНСКАЯ. А! этого я прежде не слыхала! Это важное обстоятельство, я приру его къ свѣденію.

ЧИСТЯКОВЪ. А когда я съ нимъ разстался, лѣтъ семь тому назадъ, онъ даже хлопоталъ жениться. Теперь-же, какъ вошелъ въ лѣта и въ чины,—чортъ знаетъ!—рѣшительно измѣнился, а что всего досадище, хочетъ еще на бѣду и бѣднаго племянника заразить своею философіей. Эхъ, терпѣть я не могу этихъ ханжей, этихъ криволушныхъ и падутыхъ философовъ, которые только хитрятъ, умничаютъ, а пользы молодому поколѣнію не дѣлаютъ никакой.

Г-ЖА ЧИСТЯКОВА. Ахъ, какъ-бы я желала отомстить ему за всѣхъ бѣдныхъ женщинъ!

ЕЛАГИНСКАЯ. (*вставая.*) А! такъ онъ не всегда былъ такимъ эгоистомъ! Хорошо же! посмотримъ, съ какими вѣстями придетъ отъ него Владиміръ Петровичъ... Если нашъ общій врагъ не позволитъ племяннику жениться на мнѣ—копчено! Я, какъ обиженная, вооружусь смѣлостію и докажу философу, что нашъ полъ гораздо лучше, нежели объ немъ думаютъ.

ЧИСТЯКОВЪ. Ха, ха, ха! хорошенько его! Я съ женой перехожу на вашу сторону! Что, въ самомъ дѣлѣ, за льявольщина такая! ему подъ 50 лѣтъ, такъ, пожалуй, можно убѣгать отъ женщинъ, но за что-же губить молодца-племянника? Жаль, право, что Володя всѣмъ обязанъ моему брату и далъ покойной матери клятву не выходить изъ его волн, а то бы мы просто плюнули на почтеннаго Андрея Степановича.

ЕЛАГИНСКАЯ. Нѣтъ, знаете ли что, друзья мои? Я бы теперь даже желала, чтобы Вольдемаръ получилъ отказъ, если ужъ онъ просилъ согласія на нашу свадьбу.

ЧИСТЯКОВЪ. Ну, вотъ еще новое! что вы!

Г-ЖА ЧИСТЯКОВА. Какъ отказъ? мы васъ не понимаемъ!

ЕЛАГИНСКАЯ. (*постепенно одушевляясь.*) Да, да! я хочу одна имѣть удовольствіе вступить за честь всѣхъ благородныхъ женщинъ и отомстить страшно лицемѣрному святошѣ! О, погодите! у женщины, съ хорошенькимъ лицомъ, съ умомъ рѣшительнымъ и смѣлымъ, найдутся тысяча средствъ передѣлать гордаго мужчину на свой ладъ! Конечно, бывши полгода за-мужемъ за хворымъ старикомъ, я не имѣла надобности щеголять ни умомъ, ни кокетствомъ... но теперь, когда я истинно любима, когда я могу осчастливить своею рукой благороднаго, прекраснаго молодого человѣка, когда полное счастье такъ близко отъ насъ... и вдругъ, что-же? Какой-то жал-

кѣи, смѣшной и устарѣвшій уродецъ смѣетъ вооружаться на насъ?.. О, это обидно! я такъ огорчена! такъ взволнована... что готова теперь истощить весь свой умъ, всѣ таланты... и напередъ увѣрена, что буду съ вами торжествовать полную побѣду!

ЧИСТЯКОВЪ. Bravo! такъ! такъ! ужъ если женская натура заговорила, такъ нашъ братъ поневолѣ крылья опуститъ, какъ мокрая курица.

ЕЛАГИНСКАЯ. А! да вотъ идетъ Вольдемаръ! Ну, что мой другъ, какія вѣсти? *(идетъ къ нему на встрѣчу.)*

—
II.

ТѢЖЕ, ПЕРСКІЙ, *(на цыпочкахъ и въ страхѣ, одѣтый по лѣтнему, очень изысканно и пестро.)*

ПЕРСКІЙ. О, Господи! ровно никакихъ! Я, какъ дуракъ, совсѣмъ растерялся!

ВСѢ. Такъ у васъ о женитбѣ и рѣчи не было?

ПЕРСКІЙ. Помилуйте! я его засталъ за чтеніемъ какой-то великолѣпной премудрости, о грѣшной суетѣ мірской; потомъ, смотрю, онъ началъ вздыхать, молиться, а меня заставлялъ читать эту премудрость! Я не зналъ, что дѣлать! читалъ, читалъ, и ровно ничего не понималъ. Потомъ онъ преважно подошелъ ко мнѣ и спросилъ: «Что? а? разбери же теперь и скажи мнѣ: изъ чего мы всѣ бьемся въ этой грѣшоооо юдоли?»—Я вертѣлся на стулѣ, хотѣлъ было сказать ему многое... что, конечно, дядюшка, если ужъ кто чувствуетъ себя способнымъ бѣжать отъ свѣта и его соблазновъ, это такъ хорошо; однако зачѣмъ же вы сами-то добиваетесь быть дѣйствительнымъ статскимъ? и проч. и проч.

ЕЛАГИНСКАЯ. И что же?

ПЕРСКІЙ. Ну, и ровно ничего не смѣлъ сказать!

ЧИСТЯКОВЪ. Ахъ, ты несчастный! Экъ онъ тебя запугалъ!

ПЕРСКІЙ. Да, смѣйтесь! а онъ сегодня какъ-то особенно страшно настроенъ къ душеспасительнымъ идеямъ. И я, вотъ теперь только, передъ уходомъ, рѣшился сказать ему: однако, дядюшка, я полагаю, что человѣкъ истинно честный, жвля, молъ, въ свѣтъ, можетъ быть христіаниномъ, помогать ближнимъ, доставлять счастье окружающимъ, особенно въ добромъ

семейномъ кругу, съ прекрасною женою... и указалъ на вась Захаръ Захарычъ...

ВСЬ. Что-же онъ?

ПЕРСКІЙ. Охъ! какъ онъ вдругъ вскочить, да взглянетъ на меня такимъ звѣремъ, что я незналъ, какъ унести ноги! Весь поблѣднѣлъ отъ злости и началъ ворчать, бѣгая по комнатѣ. «А! вотъ что! понпмаю! братецъ мой хочетъ развратить твою слабую душу! втянуть въ омутъ! хорошо! узнаетъ онъ семейный кругъ! я ему докажу что съ нимъ сдѣлаетъ его прекрасная жена! Ступай, и скажи, что я хочу съ нимъ объясниться на единѣ, да смотри, чтобы тутъ не лѣзла въ глаза его домашняя змѣя.»

Г-ЖА ЧИСТЯКОВА. Скажите, пожалуйста! да за что же онъ меня такъ безсовѣстно обпжаетъ?

ЧИСТЯКОВЪ. Полно, мой другъ, успокойся. я его за тебя такъ же отдѣлаю по своему.

ЕЛАГИНСКАЯ. Нѣтъ, друзья мои! ужъ предоставьте лучше мнѣ пачать войну съ нашимъ злодѣемъ! (*смотря на лѣво.*) Что это? кажется онъ! Пойдемте въ садъ, я вамъ объясню всѣ мои затѣи.

ПЕРСКІЙ. О! изъ любви къ вамъ, я заранѣе на все готовъ, только, пожалуйста, избавьте меня отъ деспотизма дяди! (*уходитъ съ Елагинскою.*)

ЧИСТЯКОВЪ. Ступай и ты, дружечикъ мой, по теперъ нарочно, не говоря ничего, посмотри ему прямо въ глаза и цѣлуй меня при немъ, да хорошенько. (*Отходитъ къ сторонѣ*)

Г-ЖА ЧИСТЯКОВА. Хорошо, хорошо. У! лицомъ бръ! (*остаётся на мѣсть и, сложивъ руки, гордо смотритъ.*)

III.

ТѢЖЕ, АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧЬ БУКА.

(блѣдная, отчасти каррикатурная фигура, въ просторномъ сюртукѣ, два ордена на шеръ, голова подъ парикомъ, идетъ, читая какую-то книгу и неожиданно столкнувшись съ г-жею Чистяковой, быстро отворачивается, съ испугомъ.)

БУКА. О, Господи! (*про себл.*) Тьфу! тьфу! какая противная встрѣча! тьфу! ничего нѣтъ для меня хуже, какъ неожиданно повернется передъ носомъ чудовище въ юбкѣ! бррръ! такъ даже... морозъ пройметъ! тьфу! незнаешь, что дѣлать!..

(стоит отвернувшись и какъ будто дрожитъ.) Гдѣ же мой счастливый братецъ? Что это? она кажется, стоитъ, грѣховодница и все смотритъ на меня?.. чего ей отъ меня хочется? не думаетъ ли, что я обращу смпренныя очи на ея змѣныя прелести? О, Господи! избавь меня отъ лукаваго! Тьфу! тьфу (громко.) Захаръ Захарычъ, гдѣ же вы?

ЧИСТЯКОВЪ. (подходит весело.) Здѣсь, братецъ, здѣсь! А! Варпнька, да и ты здѣсь, мое сокровище! Что ты такъ засмотрѣлась на моего братца? Ступай-ка въ садъ, къ намъ гости пріѣхали... милая Анна Львовна здѣсь.

Г-ЖА ЧИСТЯКОВА. Иду, мой другъ, только позволь еще взглянуть на любезнаго Андрея Степановича! Я такъ рѣдко имѣю счастье видѣть ихъ, что рада отъ души... (про себя.) Вѣкъ бы невидаться! (вслухъ.) До свиданія, мой добрый, мой милый другъ! (цѣлуетъ его громко нѣсколько разъ, и убѣгаетъ.)

БУКА. (про себя.) О, Господи! какіе предательскіе поцѣлуи. Тьфу! развратъ! омерзеніе! О, проклятыя женщины! (закрываетъ лицо книгой) и цѣлуютъ мужей, и надуваютъ въ одно время! а мужья-то радехоньки, болваны!

ЧИСТЯКОВЪ. Ну, что братецъ? здоровъ ли ты?

БУКА. А что?

ЧИСТЯКОВЪ. Да тебя, какъ будто ломаетъ, или трясетъ лихорадка...

БУКА. (съ досадою). Это пройдетъ... а надъ тобой, я бы желалъ, чтобы отнынь тряслось всякое горе, всякая злая немочь... всякая...

ЧИСТЯКОВЪ. (смѣясь). Спасибо! спасибо! истинно братское желаніе! Ха, ха, ха! только я не знаю, за какіе грѣхи ты такъ христіански кляпешь меня? растолкуй...

БУКА. Гмъ! несчастный! и ты еще можешь спрашивать?

ЧИСТЯКОВЪ. Какъ же, я, братецъ, всегда спрашиваю, когда не повижаю въ чемъ дѣло.

БУКА. Знаешь ли, съ кѣмъ ты теперь такъ сладко цѣловался?

ЧИСТЯКОВЪ. Какъ съ кѣмъ? съ моею доброю, милою женою.

БУКА. Тьфу! Ошибаешься, заблудшій, легковѣрный слѣпецъ! это злѣйшій твой врагъ! твоё наказаніе! это ходячее вѣроломство въ образѣ женщины! это демонъ, гремучая змѣя, кропля въ юбки!

ЧИСТЯКОВЪ. Постой! постой! переведи духъ, а то тебя кашель схватитъ. Ха, ха, ха! Что тебѣ сдѣлала моя добрая Варпнька?

БУКА. Гмъ! еще смѣется, несчастный! Гмъ! перестань смѣяться.

ЧИСТЯКОВЪ. Ха, ха, ха! Не могу! Ты душа моя, такія гримасы корчившь, что, кажется, и мертвый лопнетъ со смѣху! ха, ха, ха!

БУКА. (*топнувъ ногою*). Да перестань же! или я такъ взбѣшусь, что забуду наше родство и разругаю тебя на чемъ свѣтъ стоитъ.

ЧИСТЯКОВЪ. А христіанское-то смиреніе?

БУКА. (*опомнись*). О, Господи! прости и помилуй слабого грѣшника! Тьфу! тьфу! Послушай, бѣдный братъ! неужли ты не понялъ, что сказало, уходя отсюда это коварное созданіе?

ЧИСТЯКОВЪ. Кто? моя добрая Варенька?

БУКА. (*со злостью*). Да кто тебѣ сказалъ, несчастный, что она добрая? вѣдь она женщина!! а всякая женщина создана именно только на зло и пагубу нашу! Да, она добрая только наружно, а внутренно всегда коварна, какъ злая фурія! Отъ кого мы страдаемъ, отъ кого часто происходятъ всѣ наши несчастія? Отъ чего мы часто бываемъ вовсе на себя не похожи? забываемъ всякое благочестіе, утопаемъ въ грѣхахъ и развратѣ? а?—оттого, что вокругъ насъ вѣчно эти женщины, жены, эти дѣвицы, все это адское чудовищное племя, которое насъ гнететъ, опутываетъ коварными сѣтями, влечетъ отъ глупости къ пороку, разоряетъ, дурачить, не даетъ опомниться... (*приходитъ въ себѣ*). О, Боже милостивый! какъ только вспомню о женщинахъ, такъ дьявольская злость и кипитъ въ каждой жилкѣ! Тьфу! (*сквозь зубы*). Такъ бы вотъ взялъ, да и передувилъ всѣхъ!!

ЧИСТЯКОВЪ. Полно, братъ, Андрей Степановичъ, опомнись! Право, вѣдь ты грѣшишь больше нашего! Можно ли такъ страшно осуждать самое лучшее созданіе въ мірѣ? Да и съ чего ты забралъ въ голову, что самп-то мы лучше и безпорочнѣе женщинъ? Полно! во-первыхъ, проклинать безъ разбору весь въжний полъ и грѣшно, и крайне несправедливо. Во-вторыхъ, ты читаешь душеспасительныя книги, а вовсе не слѣдуешь христіанскому благочестію. Конечно, есть женщины, не стояющія ни любви, ни уваженія, но за то, братъ, сколько есть такихъ, что просто, во всѣхъ отношеніяхъ, объядѣнье! Да вотъ, хоть моя милая Варенька...

БУКА. погоди! отдѣластъ тебя эта милая. погоди, сдѣластъ изъ тебя такого милого, что послѣ не мило будетъ и на свѣтъ глядѣть!

ЧИСТЯКОВЪ. Ха, ха, ха! Да ты цѣны ей не знаешь!

Вѣдь это чудо, не жена!

БУКА. *(про себя).*

Нѣтъ! это аспидъ! сатааа!

ЧИСТЯКОВЪ.

Ее нельзя не полюбить...

БУКА. *(также).*

А я вѣтъль бы задушить!

ЧИСТЯКОВЪ.

Со мной привѣтлива, мила...

БУКА. *(ему)*

Пока другаго не наша!

ЧИСТЯКОВЪ.

А какъ цѣлуется со мной!

БУКА. *(особо).*

Лобзаетъ, какъ Иуда злой!

ЧИСТЯКОВЪ.

Что за безцѣнная душа!

БУКА. *(также).*

А я бы не далъ им гроша!

ЧИСТЯКОВЪ.

Мной дорожить, какъ на заказъ...

БУКА.

Продасть и выкупить, какъ разъ!

ЧИСТЯКОВЪ.

Ни въ чемъ со мною не хитрить.

БУКА.

А на душѣ-то чортъ сидитъ!

ЧИСТЯКОВЪ.

Мила, прелесна, молода. .

БУКА.

Опѣ подмазаны всегда!

ЧИСТЯКОВЪ.

Хозяйство—страхъ умно ведетъ.

БУКА.

И вѣчно мужа обочтеть!

ЧИСТЯКОВЪ.

Итоги вѣрны чудо какъ!

БУКА.

А мужъ въ итогъ—все дуракъ!

БУКА. Но, впрочемъ, ты можешь вѣрить своей женѣ, жить и дѣлать въ жизни всевозможныя глупости, ты, какъ мужъ, имѣешь на это привилегію, и мнѣ все равно. Но вотъ въ чемъ дѣло! я требую отъ тебя отнынѣ навсегда, чтобы ни ты, ни жена твоя, не совращали съ пути истиннаго моего Владимира! Слышишь? Я хочу быть однимъ его наставникомъ.

ЧИСТЯКОВЪ. Помилуй! да съ чего-жъ ты это взялъ? Мы его не совращаемъ, а напротивъ, желаемъ навѣстия молодого человѣка на путь истинный.

БУКА. Вы? хе, хе, хе! а чѣмъ это? Какими благими совѣтами?

ЧИСТЯКОВЪ. Желаемъ ему, чтобы онъ вполне походилъ на человѣка, то есть, чтобы не былъ такимъ, какъ его дядя Андрей Степановичъ Бука, чтобы онъ началъ жить такъ, какъ всѣ порядочные люди. Онъ хорошо служить, на отличномъ счету у высшаго начальства, и теперь ему надо только полюбить и жениться.

БУКА. (отскакивал). Жениться! о, позоръ! тьфу! да я и тебя, и его, и всѣхъ васъ со свѣта сживу, если племянникъ только подумаетъ о женитьбѣ! а этой, которая, можетъ быть, ужъ ловить его, я то сдѣлаю, что она у меня...

ЧИСТЯКОВЪ. Полно! ничего не сдѣлаешь, не согласишься.

БУКА. Божусь тебѣ всѣмъ, что сдѣлаю ей всякое несчастіе, всякое зло! изуродую своими руками!

ЧИСТЯКОВЪ. Полно! какая еще женщина попадется... пная скорѣй тебя самаго изуродуетъ.

БУКА. Меня? да я однимъ взглядомъ уничтожу въ прахъ всякую, которая осмѣлится только покуситься на мою особу!

ЧИСТЯКОВЪ. А ты все-таки очень золь на нихъ?

БУКА. Какъ челов.... нѣтъ! какъ тигръ! какъ гіенна!

ЧИСТЯКОВЪ. И племянника хочешь сдѣлать такимъ же?

БУКА. Еще хуже!

ЧИСТЯКОВЪ. Да вѣдь это, ей-Богу, грѣшно! Ну, такъ ли поступаютъ благонамѣренные люди? Къ чему же ты читаешь духовныя книги?

БУКА. Ну, не тебѣ, братъ, разсуждать объ этомъ. Племянникъ подъ моимъ надзоромъ будетъ уменъ, остороженъ, и никогда не будетъ раскаиваться.

(Елаинская показываетъ у входа).

ЧИСТЯКОВЪ. А жаль! право жаль! ему предстоитъ прекрасная партія! онъ былъ бы вполне счастливъ.

БУКА. То есть, такъ, какъ ты! Есть о чемъ жалѣть! эти

прекрасныя партіи и мнѣ когда-то представлялись, но я на нихъ плюнулъ.

(Елагинская, приближаясь, дѣлаетъ знаки Чистякову).

ЧИСТЯКОВЪ. Нѣтъ, ужъ извини! Это, просто, братецъ, чудная женщина! Умна, мила, добра, богата, просто прелесть! которая такъ же чрезвычайно и тобой интересуется.

БУКА. Что?!

ЧИСТЯКОВЪ. Она какъ-то тебя видѣла, и ты, несмотря на свою суровость, невольно обратилъ на себя ея вниманіе. Она преочаровательная особа! И кажется, горитъ желаніемъ заслужить твое расположеніе.

БУКА. Что? Что? Тьфу! Тьфу!

IV.

ТѢЖЕ, ЕЛАГИНСКАЯ. *(съ живостію подходитъ къ нимъ).*

ЕЛАГИНСКАЯ. Прощайте, добрый Захаръ Захарычъ! Я ѣду въ городъ...

(Бука отскакиваетъ назадъ въ испугъ и съ крикомъ)

ЕЛАГИНСКАЯ. Ахъ!!! Я, кажется, васъ перепугала? простите, я такъ тороплюсь... *(быстро проходитъ впереди Буки и беретъ шляпку со стола).*

БУКА. *(про себя, отворачиваясь въ другую сторону)* О, Господи!

ЕЛАГИНСКАЯ. Это, кажется, вашъ почтенный братецъ, котораго вы мнѣ такъ хвалили? *(кокетливо присѣдаетъ передъ Букой).*

ЧИСТЯКОВЪ. Точно такъ, Анна Львовна... прелюбезный, предобрый человекъ!

ЕЛАГИНСКАЯ. Ахъ, я очень буду счастлива, если намъ удастся покороче познакомиться... Я такъ много слышала объ васъ хорошаго.

БУКА. *(растерявшись совершенно)* Мм...гмъ! Ее...ммм... *(въ сторону.)* Тьфу! Тьфу!

ЕЛАГИНСКАЯ. Очень приятно... но теперь я ѣду...

(Елагинская опять быстро проходитъ впереди ея, къ Чистякову, даже нѣсколько задѣваетъ Буку вуалью, или платьемъ.)

БУКА. *(снова отскакиваетъ въ противную сторону.)* О, Господи! Что это?

ЧИСТЯКОВЪ. Послушайте: да неужли вы насъ оставляете? а мы сейчасъ только съ братомъ объ васъ говорили.

БУКА. *(про себя)* Что опъ? съ ума сошелъ?

ЕЛАГИНСКАЯ. Благодарю васъ за дружбу и ласковій приемъ; я бы очень рада была побесѣдовать съ вами, но у меня есть такія священныя обязанности... у меня братъ очень боленъ, а я его лучшій другъ... Впрочемъ, мы еще увидимся... до свиданія! *(тихо ему)*. Уйдите вмѣстѣ со мною. *(ласково Буку)*. До пріятнаго свиданія, любезный Андрей Степановичъ.

БУКА, *(также.)* Гмъ!.. до свп... до свид... *(про себя)* О, Владыко! помилуй мя грѣшнаго! *(уходитъ въ садъ)*.

ЧИСТЯКОВЪ. Такъ позвольте же мнѣ проводить васъ, прелестная Анна Львовна. *(уходятъ въ садъ)*.

V.

БУКА, *одинъ, потомъ вскорѣ* **ЕЛАГИНСКАЯ.**

БУКА. *(стоит на одномъ мѣстѣ.)* О! Бо...Бо...Боже милостивый!... что... это?... Что это?... Я совсѣмъ оторопѣлъ... ст...с...странно, чего я такъ испугался? впрочемъ, она вдругъ влетѣла, такъ, фу! какъ бѣсъ какой!... Тьфу! тьфу! Даже задѣла меня своимъ раздушеннымъ платьемъ... тьфу!

ЕЛАГИНСКАЯ. *(быстро пробѣгая мимо Буки къ столу, беретъ зонтикъ)*. Ахъ, я незнаю, что со мной сдѣлалось сегодня?... Извините, милый Андрей Степановичъ.

БУКА. *(когда она пробѣгаетъ мимо, опять сильно пугается, вскрикиваетъ)*. О, о, Господи!

ЕЛАГИНСКАЯ. Бѣгу, бѣгу! друзья мои! *(скрывается)*.

VI.

БУКА, *одинъ, но вскорѣ* **ЕЛАГИНСКАЯ** снова показывается въ дверяхъ.

БУКА. Ой! ой! ой! опять она меня задѣла... Я... незнаю... что это со мной? У меня какъ будто ноги отнялись! боюсь тронуться съ мѣста... Го—го—господи, Боже мой! неужли Ты караешь меня искушеніемъ? Сколько разъ она мимо меня шмыгнула... да такъ, передъ самымъ носомъ, скоро, фу! фу! охъ,

я чувствую, что это... дьяволъ въ фалборкахъ! *(задумывается)*
 Впрочемъ, сколько я замѣтилъ... она... того... *(улыбался самодовольно)* дьяволъ этакой... ммм... ма! даже, можетъ
 быть... дьяволъ и не настоящій, а... пополамъ съ женщиной!
(опомился) Охъ! что я! Тьфу! тьфу! согрѣшилъ окаянный!

ЕЛАГИНСКАЯ. *(громко говоритъ, показываясь въ дверяхъ)* Ахъ!
 это ужасно! Я совсѣмъ потеряла голову!

БУКА, *(вспрынувъ на мѣсть).* Опять!!!

ЕЛАГИНСКАЯ. Милый Андрей Степановичъ, будьте такъ до-
 бры, потрудитесь подать мой платокъ и перчатки...

БУКА. Но...по.. сударыня... я незнаю...

ЕЛАГИНСКАЯ. Вонъ тамъ, на столъ, ради Бога носкорѣй!...

БУКА, *(бросаясь съ неловкостію и подаетъ ей перчатки.)*

Во—во—вотъ—съ...вотъ—съ... извольте...

ЕЛАГИНСКАЯ. Ахъ, какъ вы милы! Благодарю!—А гдѣ же
 платокъ?

БУКА, *(снова бросаясь къ столу за платкомъ).* А! сейчасъ...
 сейчасъ... О! Господи! что я творю! Прости меня! Вотъ—съ...
(подаетъ).

ЕЛАГИНСКАЯ. О! да вы преобязательный кавалеръ! И такъ,
 до радостнаго свиданія! Да, не правда-ли: мы еще увидимся?

БУКА. О! ко...ро... конечно.. я...я..

ЕЛАГИНСКАЯ, *(кокетливо).* Такъ ждите меня! *(скрывается).*

VII.

БУКА, *(одинъ, бросаясь на колѣна.)* О, Творецъ! со-
 грѣшилъ я, подлый рабъ! Избавь меня мрака искушенія! *(за-
 крываетъ лицо объими руками, и потомъ начинаетъ ихъ обню-
 хивать).* Что это? А, держалъ ся платокъ... ммм! Какъ пріятно
 пахнетъ!... А если она нечистый духъ? *(вскакивал)* Нѣтъ! миѣ
 бы этого не хотѣлось! Потому, что она... Какъ видно... она...
 Я еще не знаю... что она, но, по крайвей мѣрѣ, братъ...
 Какъ она... То есть, какъ онъ говоритъ... Что она... То есть,
 въ ней того... Нѣтъ этого... А она просто того... Какъ миѣ ка-
 жется...

Мила и добродушна!...
 Чуть-чуть не обьяла!
 Быстра, легка, воздушна...
 Чортъ знаетъ, какъ мила!
 Да что-жь это за мука?
 Стою и жду всѣхъ золь...
 Андрей Степановичъ Бука,
 Васъ дѣшій обошелъ!

VIII.

БУКА, ЧИСТЯКОВЪ, (входитъ веселый).

ЧИСТЯКОВЪ, (за кулисами). Это ангель!

БУКА, (испулавшись) Ай! Опять!.. Нѣтъ, это братъ Захаръ. *(начинаетъ важно ходить по комнатѣ).*

ЧИСТЯКОВЪ. Ну, Андрей Степановичъ, милая Анна Львовна отъ тебя въ восхищеніи! Не прадали: чудная женщина, а?

БУКА, (сердито самъ съ собою) Чортъ!!!

ЧИСТЯКОВЪ. Обворожительна, какъ...

БУКА. Дьяволъ!

ЧИСТЯКОВЪ. А ужъ добра какъ!..

БУКА. Сатана!

ЧИСТЯКОВЪ. На кого взглянетъ, такъ просто...

БУКА. Въ омутъ тяпеть!

ЧИСТЯКОВЪ. Ты ей чрезвычайно понравился.

БУКА, (оплевываясь). Тьфу! тьфу! тьфу!

ЧИСТЯКОВЪ, (про себя). Она велѣла мнѣ его приготовить, чтобы ловче было начать мщеніе. *(ему)* Она говоритъ, что ты на ея глаза очень интересенъ.

БУКА. Тьфу! тьфу! перестань! Я ничего не слышу!

ЧИСТЯКОВЪ. Что у тебя на ляцѣ и въ глазахъ есть, по мнѣнію ея, что-то такое... пріятное...

БУКА, (затыкал уши) Захаръ! перестань, говорятъ тебѣ!

ЧИСТЯКОВЪ. Только она жалѣетъ, что ты, кажется, очень опустился, мало говоришь, небрежно одѣваешься...

БУКА. Ей-Богу, я ничего не слышу! Господи! избавь меня отъ всякаго совѣта коварнаго мужа лукаваго...

ЧИСТЯКОВЪ. Но я сказалъ ей, что ты у насъ философъ, который на все смотритъ сентябремъ и проклиняетъ всѣхъ женщину.

БУКА. (*обидясь*). А кто тебя просилъ? То есть, есть ли въ тебѣ Богъ, хотѣлъ я сказать? Что тебѣ за дѣло до меня?

ЧИСТЯКОВЪ. А что? Вѣдь я сказалъ правду.

БУБА. Правду! Да провалитесь вы, пожалуйста, сквозь землю! Кто васъ проситъ беспокоиться обо мнѣ? Какое вамъ дѣло болтать, описывать всѣмъ, что я говорю, что дѣлаю? Вы, кажется, хотите, чтобы на меня всякій чепчикъ указывалъ пальцами? Вѣдь я васъ не трогаю! оставте-же меня въ покоѣ и уберите ко всѣмъ чертямъ!

ЧИСТЯКОВЪ. Э! нѣтъ братецъ, какъ не трогать! а ты про мою бѣдную жену что говоришь? но я, ты видишь, не сержусь нисколько.

БУКА. Эхъ, да вѣдь и я не сержусь... только мнѣ досадно, что вы, какъ нарочно, всѣмъ рекомендуете меня съ самой черной стороны! это... это грѣшно, это очень грѣшно. Конечно, я презираю женщинъ, и буду ихъ презирать всегда, потому-что онѣ меня всегда обманывали, дурачили... но все таки я... чортъ возьми! и въ службѣ... и у знакомыхъ по неволѣ ставлюсь... не въ лѣсу-же мнѣ жить! а изъ этого слѣдуетъ, что... что мой образъ мыслей и... ваша болтовня... (*про себя, съ досадою топнувъ ногой*) самъ не знаю, что я вру ему! (*смотря на часы*) Ахъ, Боже мой! пора мнѣ въ городъ, надо непременно быть въ департаментѣ... скажи, пожалуйста, Владимиру, что я пошелъ одѣваться, чтобы сейчасъ и онъ былъ готовъ ѣхать со мною. (*Про себя*) Проклятыя глаза, шляпка и зонтикъ этой вдовушки такъ меня разстроили, что я сегодня въ департаментѣ ни-за-что переругаю всѣхъ чиновниковъ! (*уходить*).

IX.

ЧИСТЯКОВЪ. (*одинъ*) Ха! ха! ха! погоди-же, любезный братецъ, мы тебя, наконецъ, возьмемъ въ руки и отдѣлаемъ на славу! Кажется, что ужъ прелестная вдовушка его нѣсколько озадачила, заинтересовала, тѣмъ лучше. Теперь надо ее попросить, чтобы она его не пускала въ департаментъ: это бы-ло-бы чудесно! а, вотъ и наши всѣ!

X.

ЧИСТЯКОВЪ, ЕЛАГИНСКАЯ, Г-ЖА ЧИСТЯКОВА И ПЕРСКІЙ.

ЕЛАГИНСКАЯ. Что, Захаръ Захарычъ, гдѣ нашъ злодѣй?

ЧИСТЯКОВЪ. Ушелъ одѣваться. Ну, Анна Львовна, теперь вамъ предстонтъ показать всю силу вашего ума и ловкости.

ЕЛАГИНСКАЯ. Постараюсь, сколько возможно. Что, какъ вы его нашли?

ЧИСТЯКОВЪ. Какъ-будто не въ своей тарелкѣ. Хотя и злится по прежнему, но ужъ больше за то, что мы его вамъ дурно рекомендуемъ.

ЕЛАГИНСКАЯ. А! такъ это доброе начало. Теперь я знаю, какъ приняться за этого Буку.

ЧИСТЯКОВЪ. Но, вотъ бѣда: онъ сеічасъ ѣдетъ въ городъ, торопится въ департаментъ, вмѣстѣ съ тобой, Володя.

ПЕРСКІЙ. Вотъ тебѣ разъ!—Анна Львовна! что вы на это скажите?

ЕЛАГИНСКАЯ. Не бойтесь, если у васъ только нѣтъ необходимыхъ дѣлъ по службѣ....

ПЕРСКІЙ. О! у меня сегодня нѣтъ ничего важнаго; но ему, какъ начальнику, необходимо ѣхать,—а если ужъ онъ ѣдетъ, такъ и я долженъ....

Г-ЖА ЧИСТЯКОВА. Анна Львовна! душечка! удержите его нарочно....

ЧИСТЯКОВЪ. Да и я уже прошу васъ... Хотя, кажется, это невозможно вамъ сдѣлать, потому—что онъ самый строгій служака.

ЕЛАГИНСКАЯ. (*подумавъ*). Вы думаете? (*рѣшительно*) Такъ онъ не поѣдетъ!

ВСЪ. Не ужемъ?... вы надѣетесь?

ЕЛАГИНСКАЯ. Не поѣдетъ! Только ужъ вы, Вольдемаръ, если хотите быть моимъ мужемъ, то позвольте на время измѣнить вамъ.

ПЕРСКІЙ. О, Боже мой! Мы такъ хорошо знаемъ другъ друга, что на этотъ счетъ я совершенно спокоенъ.

ЧИСТЯКОВЪ. (*смотря нальво*) Э! ужъ онъ, кажется, готовъ. Смотрите, поймаемъ насъ.

ВСЪ, (*кромя Елагинской.*) Ай! ай! что-жъ намъ дѣлать?

ЕЛАГИНСКАЯ. Ступайте опять въ садъ, и будьте готовы на помощь по первому моему знаку, изъ этого окна.

ВСЪ. Хорошо, хорошо! Пожалуйста, хорошенько его!

Сражайтесь съ нимъ и не щадите!
И какъ у васъ талантовъ тѣмъ,
Такъ вы намъ нынче донажите
Всю силу женскаго ума!

ЧПСТЯКОВЪ.

Да, мы вамъ поле оставляемъ,
Мы сплой хвалимся подчасъ,
Васъ слабымъ поломъ называемъ,
А, право, сила-то вся въ васъ.

(уходитъ.)

XI.

ЕЛАГИНСКАЯ одна, потомъ **БУКА**, переводчый въ форму важнаго чиновника.

ЕЛАГИНСКАЯ, (въ волненіи). Да, онъ правъ. Теперь мнѣ точно надо вооружиться всею твердостью и не забывать, что я веду интригу противъ такого человѣка, который изъ ненависти къ женщинамъ, мѣшаетъ даже счастью своего племянника. О, негодный старичишка! посмотримъ, такъ ли ты твердъ и благочестивъ, какъ всеѣмъ кажешься?... А! вотъ онъ! (идетъ къ нему на встрѣчу испринужденно).

БУКА, (неожиданно сталкиваясь съ нею). Фу! (про себя), Го-го-Господи! опять она подвернулась!

ЕЛАГИНСКАЯ, (съ притворнымъ смущеніемъ). Ахъ!... это вы... милый Андрей Степановичъ... право, мнѣ кажется, сама судьба старается сблизить насъ.

БУКА, (про себя). Сблизить!... ой, какое грѣховное начало!

ЕЛАГИНСКАЯ, (продолжая). Впрочемъ, это мнѣ очень пріятно... я такъ много слышала о вашихъ рѣдкихъ, отличныхъ достоинствахъ... (какъ будто вспоминая) Ахъ, да! позвольте мнѣ еще разъ поблагодарить васъ, Андрей Степановичъ...

БУКА, (переминясь). За—за что-съ?

ЕЛАГИНСКАЯ, Какъ за что? вы давеча такъ мило, съ такою любезностью услужили мнѣ... а я, какъ сумасшедшая, убѣжала, и вы вѣрно обо мнѣ подумали...

БУКА, (не глядя на нее). Ничего-съ!... (про себя) О, Господи тьфу! тьфу!

ЕЛАГИНСКАЯ, (про себя). Настоящій Бука! даже и не взглянуть на меня хорошенько. (ему) Впрочемъ, когда вы узнаете меня покороче, то вѣроятно...

БУКА, (про себя). Какой у нея голосъ! такъ и язвить, какъ пьявка!

ЕЛАГИНСКАЯ. Конечно, я немножко вѣтрепа, какъ всѣ молодыя женщины, но за то, повѣрьте, умѣю цѣнить дружбу и расположеніе такихъ людей, какъ вы.

БУКА, (про себя) То есть, просто грѣшно слушать, что она глаголетъ! (ей) Гмъ!.. су-да-ры-ня... я конечно... гмъ... но я... въ департаментъ...

ЕЛАГИНСКАЯ. Какі!... что такое?... въ какой департаментъ? я васъ не понимаю...

БУКА. А—то-есть—если для васъ что угодно... я здѣсь не занимаюсь... пожалуйста для свиданія прямо въ департаментъ...

ЕЛАГИНСКАЯ. Ха, ха, ха!... вотъ это мило! да вы, кажется, думаете...

БУКА. Да-съ!... Тамъ я, тамъ я разсмотрю... что вы... то есть, какъ вы намѣрены на счетъ этого... и прочее, и прочее... на дѣлѣ будетъ виднѣе...

ЕЛАГИНСКАЯ. Помилуйте, Андрей Степановичъ! мы, кажется, не поняли другъ друга. Я говорю, что я весьма буду рада, если найду въ васъ истиннаго, добраго друга, потому-что я теперь въ одшочествѣ грущу и страдаю... Ахъ, пожалѣйте меня!—Конечно, дружба Захара Захарыча и его доброй жены нѣсколько утѣшаютъ меня... но, они не вполне понимаютъ мое положеніе... они больше заняты своимъ семейнымъ счастьемъ... а я... если-бы вы знали, какъ иногда я страдаю!...

БУКА. Гмъ!.. Сударыня! чтобы понять васъ вполне, т. е. обнять, какъ слѣдуетъ, то... во всякомъ случаѣ, пожалуйста въ департаментъ. .

ЕЛАГИНСКАЯ. Какой вы странный! у васъ, какъ кажется, все служба въ головѣ?

БУКА. Да-съ!.. служба, служба и — большо ничего!

Нашъ братъ всегда трудятся, тужить,
 Безъ службы пагубенъ нашъ вѣкъ!
 А кто живетъ здѣсь — и не служить,
 Тотъ язва, нуль, — не человекъ!
 На службу я — вполне мужчина:
 Безмоленъ, холоденъ и строгъ,
 Трудолюбивая машина...
 Чиновникъ — съ головы до ногъ!

ЕЛАГИНСКАЯ. Ахъ, Боже мой! да вы послѣ этого ужасный человекъ! -

БУКА. Гмъ! я ничего больше, какъ только Андрей Степанычъ Бука. *(особо)*. Охъ! она меня пугаетъ... *(ей, несмотря и плтась назадъ)* За симъ, съ совершеннымъ почтениемъ, и проч. и проч...

ЕЛАГИНСКАЯ. Какъ! вы уѣзжаете? Куда же? пожалуйста, оставайтесь...

БУКА. Ни... ни для отца роднаго! служба святое дѣло.

ЕЛАГИНСКАЯ. Помилуйте, вы давеча общали мнѣ вашу пріятную бесѣду, я торопилась, была въ полной увѣренности, а вы....

БУКА. Я... я... ничего... я не гожусь... ей Богу! я даже трепещу взглянуть на васъ. .

ЕЛАГИНСКАЯ. Почему же?.. развѣ я такъ страшна?

БУКА. Не знаю-съ... я не справляюсь... я даже удивляюсь, какъ могъ позволить себѣ такія отношенія?.. Впрочемъ, вѣроятно здѣсь дѣйствуетъ сила пресподняя!.. Искушеніе по грѣхамъ моимъ...

ЕЛАГИНСКАЯ, *(плъжно)*. По крайіней мѣрѣ, хоть взгляните на меня поласковѣе — и вы увидите, что я самое доброе и простое существо, которое не способно измѣнить ваши правила и мысли. *(еще плъжнѣе)* Андрей Степанычъ!..

БУКА, *(про себл)*. Ммм!.. Голосъ!.. голосъ!.. Точно у моего зяблика!.. если я взгляну на нее... можетъ произойти страшное грѣхопаденіе...

ЕЛАГИНСКАЯ, *(еще плъжнѣе)*. Послушайте: я сирота въ этомъ мірѣ, я надѣялась найти въ васъ истиннаго друга, который бы своей откровенной душеспасительной бесѣдой просвѣтилъ мой умъ, остерегъ отъ заблужденій... однимъ словомъ, указалъ бы мнѣ прямой путь въ этой жизни, а вы... о Боже мой!..

БУКА, *(разстроганный)*. Ахъ! она не лжетъ! я, кажется, слышу голосъ святой истины... *(рѣшительно)*. Да ужъ такъ и быть! *(при взглядѣ на нее, дрожитъ невольно)*. Господи! что это? Ай, глаза! глаза! у васъ въ глазахъ... бррр!.. огонь тартара!.. Позвольте уѣхать въ департаментъ... *(хочетъ уйти)*.

ЕЛАГИНСКАЯ, *(удерживаетъ его)*. Полноте! вы, кажется, смѣтаете надо мною. Пожалуйста, будьте снисходительны! Сядьте здѣсь, подлѣ меня, и побесѣдуемъ откровенно. *(садится на кривой диванъ)*. Вотъ я здѣсь, чтобы не конфузить васъ своими страшными взорами, а вы вотъ сядете здѣсь. Не правда ли? Ну, что же?.. я васъ жду...

БУКА. Какъ вамъ угодно, не могу: служба ждетъ...

ЕЛАГИНСКАЯ. Ахъ! да бросьте, пожалуйста, вашу службу!

БУКА. Не могу! ей Богу! служба — прежде всего!

ЕЛАГИНСКАЯ. Ну, ну, хорошо, я васъ не задержу. Я такъ рада, такъ довольна, что познакомилась съ вами, и прошу у васъ только *десять минутъ*, больше ни секунды! много ли это? *(толнымъ голосомъ и протягивая руку, приглашаетъ съестъ)*. Андрей Степановичъ! только десять минутъ...

БУКА, *(про себя, начинаетъ понемногу подходить)* Боже мпловичий! чувствую... сознаю свои прегрѣшенія... впрочемъ, *десять минутъ!* что это значить передъ вѣчностью?.. особливо, при моемъ благочестіи!.. *(ей, продолжая подвигаться)*. Но сударыня, если меня увидитъ братъ, или племянникъ... Я прокляну и себя... даже не пощажу и васъ!

ЕЛАГИНСКАЯ. О, не бойтесь! они всѣ отправились гулять на сосѣдную дачу, а при томъ десять минутъ такъ мало времени, что...

БУКА. Гмъ!.. Конечно... пожертвовать можно... Богъ меня простить... *(оглядываясь во всѣ стороны и посматривая на часы)*. Но, какъ вамъ угодно, а я замѣчу, — и черезъ десять минутъ, прощайте на вѣкъ! Теперь четверть одиннадцатаго, помните! *(садится къ ней спиною)*. Уфъ!... *(ронлетъ шляпу и портфель на полъ)*. Чувствую, какъ я глубоко упалъ... Какъ будто погрузился въ бездну грѣховную! *(сидитъ выткнувшись)*.

ЕЛАГИНСКАЯ. Ну, вотъ такъ! Благодарю васъ... Ахъ! мнѣ нужно съ вами о многомъ поговорить...

БУКА. *(про себя)*. Господи! Какая, подумашь, человѣкъ слабая тварь! О, женщины, женщины! въ васъ сидитъ демонская сила!

ЕЛАГИНСКАЯ. Что такое? Однако... позвольте: ловко ли вамъ сидѣть?

БУКА. Гмъ! чрезвычайно неловко, но за то, какъ кажется, это совершенно по модѣ. Для женатыхъ людей это придумано... понимаете... по модѣ: мужъ въ сторону, жена въ другую.

ЕЛАГИНСКАЯ. Андрей Степановичъ! Правда ли, я слышала, что вы презираете весь пашъ полъ? Я что-то этому не совѣмъ вѣрю. *(кладетъ руку на его плечо)*.

БУКА. *(въ сторону, съ трепетомъ)* Батюшки! она ужъ за меня уцѣпилась! Охъ! давно, давно я не чувствовалъ такого блаженства!...

ЕЛАГИНСКАЯ. Андрей Степановичъ! да отвѣчайте же мнѣ!

Неужели правда, что мнѣ говорилъ про васъ Захаръ Захарычъ?

БУКА, (*разньживаясь*). Ахъ, да, да. Когда я увижу женщину... чувствую какое-то отвращеніе... я... я врагъ всѣхъ женщинъ. (*поворотивъ голову, цѣлуетъ руку, которая у него на плечи*) Конечно! (*про себя*). Не утерпѣлъ! согрѣшилъ я, слабая тварь!

ЕЛАГИНСКАЯ, (*продолжала кокетливо бить его по плечу*). Врагъ всѣхъ женщинъ!.. возможно ли?.. Да за что же вы насъ презираете?

БУКА. За то .. что вы всѣ... коварны... соблазнительны! (*опять покосившись на ея руку, цѣлуетъ*). Еще согрѣшилъ!.. (*ей, продолжал*), что вы отъ одного грѣха влечете насъ къ другому и такъ далѣе. (*цѣлуетъ еще*). У! какая ручка!

ЕЛАГИНСКАЯ, (*взявъ книгу*). Ахъ, Боже мой! такъ неужели и я въ вашихъ глазахъ также достойна презрѣнія? развѣ я вамъ сдѣлала что-нибудь злое? (*дотрогивается книгой до его плеча*).

БУКА. О, нѣтъ! вы совсѣмъ другое... вашъ нѣжный голосъ, мягкая ручка... (*цѣлуетъ книгу*). Ой! я попалъ на что-то жесткое... (*продолжала сердито*). Впрочемъ, я и за васъ не ручаюсь, — вы также, какъ и всѣ женщины, въ состояніи пуститься на всякое зло...

ЕЛАГИНСКАЯ. О, нѣтъ! повѣрьте, я не похожа на другихъ, и вотъ вамъ въ доказательство моя рука! (*протлииваетъ къ нему руку*).

БУКА, (*схватываетъ ее съ жаромъ*). А! ну... это другое дѣло! Какъ человѣкъ вполне благочестивый, я принимаю ваше оправданіе... (*цѣлуетъ и, сжавъ крѣпко, прижимаетъ*). Ммм!..

ЕЛАГИНСКАЯ. Ахъ! какъ вы крѣпко жмете руку! Позвольте, вѣдь это больно!.. посмотрите, это ужасъ!

БУКА, (*быстро поворачивается къ ней лицомъ*). Ангель мой! А каково-же мнѣ-то, мнѣ? развѣ намъ иногда не крѣпко достается отъ васъ?... Ахъ! не глядите такъ сладко, ей Богу, грѣшно! — Впрочемъ, такъ ужъ и быть, Богъ проститъ! глядите! глядите...

ЕЛАГИНСКАЯ. Полноте шутить. . однако, знаете что: същипте, пожалуйста, тамъ гдѣ-то есть, на столѣ, альбомъ и карандашъ, я обѣщала Варварѣ Андреевнѣ кончить маленькій рисунокъ... (*Бука вскакиваетъ и съ любезностью отправляется искать альбомъ. Елагинская про себя*). А! попался, негодный!

старичишка! Надо уведомить нашихъ, какъ они должны теперь атаковать его.

БУКА, *(не дослышавъ)*. Что такое вы сказали, прелесть моя? *(отыскавъ, подаетъ ей вещи, старался молодиться)*.

ЕЛАГИНСКАЯ Ничего... я удивляюсь вашей ловкости. О! да вы хоть и въ лѣтахъ, по все еще премилый, пренинтересный мужчина! *(пишетъ нѣсколько строкъ на листочекъ альбома, отрываетъ, незамѣтно складываетъ, потомъ нѣсколько разъ смотритъ въ окно)*.

БУКА, *(самодовольно)*. А! такъ я вамъ нравлюсь?—О! нѣкогда я былъ злодѣйски обворожителемъ! *(садится)*. Впрочемъ, когда вы тоже узнаете меня покороче, то узнаете, что я еще неустарѣлъ. *(хочетъ взять ее за руку)*.

ЕЛАГИНСКАЯ. Ахъ, подвиньте мнѣ, пожалуйста, вотъ ту скамеечку, мнѣ неловко...

БУКА. Сейчасъ!

Ахъ! съ вами я въ компаніи
Совсѣмъ не то, что былъ!
О службѣ, воздержаніи
И о грѣхахъ забылъ.

ЕЛАГИНСКАЯ, *(почти съ крикомъ)*. Скамеечку!

БУКА. Бѣгу! *(Пока онъ подаетъ ей скамеечку, Елагинская дѣлаетъ знаки въ окно и бросаетъ записку)*.

ЕЛАГИНСКАЯ, *(бросая нѣжный взоръ)*. Ахъ, благодарю!

БУКА, *(хватался за сердце)*. Ахъ, какой взглядъ! такъ сердце и загорѣлось! *(съ большимъ чувствомъ)*.

Зажгли глаза коварные
Такъ эту часть, ей, ей!
Что не зальютъ пожарные
Тринадцати частей!!!

ЕЛАГИНСКАЯ. О, да вы, какъ я вижу, только притворялись строгимъ и холоднымъ, а? зачѣмъ это вы нацѣвали на себя такую маску?

БУКА, *(быстро)*. Ахъ! затѣмъ, что съ людьми, которые меня окружаютъ, не стоитъ быть никогда откровеннымъ! Но, за то передъ вами, передъ вашими прелестями, я снимаю маску притворства! я весь на лицо—смотрите: я въ восторгѣ! въ жару молодости! *(дотрогиваясь слегка до ея плеча)*. Ахъ, какъ это у васъ обворожительно! Господи! какая дивная натура!

ЕЛАГИНСКАЯ, *(отодвигалась отъ него)*. А ужъ десять минутъ, я думаю, прошло?

БУКА. Не знаю. (*любуясь ею*). Какъ счастливъ этотъ розанчакъ! невольно позавидуешь, какъ помотришь...

ЕЛАГИНСКАЯ. Однако, вотъ что: вы лучше посмотрите-ко на часы.

БУКА. За чѣмъ? «счастливые часовъ не наблюдаютъ!»

ЕЛАГИНСКАЯ. Конечно... но вѣдь вы сами строго назначили для нашей бесѣды только—десять минутъ. Посмотрите-ко!

БУКА. (*любуясь ею*). Ахъ! отгнѣвъ я, кромѣ васъ, ни на что смотрѣть не хочу! все это вздоръ и суета!

ЕЛАГИНСКАЯ. Нѣтъ, помните! для васъ служба—прежде всего...

БУКА. Нѣтъ! ужъ отгнѣвъ вы для меня—прежде всего! а служба сама по себѣ... на службѣ никогда не найдешь вотъ этихъ прелестей!... (*опять трогаетъ ее за плечо*).

ЕЛАГИНСКАЯ. Андрей Степановичъ! это не хорошо.

БУКА, (*заирывая*). Напротивъ, такъ хорошо, что можно съ ума сойти! можно такъ одурѣть, что хоть ложись, да умирай!

ЕЛАГИНСКАЯ. О, да вамъ вѣрно совсѣмъ не надо идти на службу.

БУКА, (*скороговоркой*). Необходимо надо! Надо подписывать серьезные бумаги. (*взявъ ее за руку, съ жаромъ*). Ахъ! какая бѣлая, бархатная кожица! какія тоненькіе пальчики! какая форма! (*цѣлуетъ*). Анна Львовна, знаете ли что?

ЕЛАГИНСКАЯ, (*очень нѣжно*). Что такое, мой другъ?

БУКА, (*ел голосомъ*). Мой другъ! Батюшки! въ какомъ это вы тонѣ сказали? такъ вотъ все грѣшное сердце и обдало!.. Анна Львовна!

ЕЛАГИНСКАЯ. Боже мой! да что же?

БУКА. Да ужъ что вы хотите, а я отъ васъ превращаюсь въ отвѣтаго дурака!

ХІІ.

ТѢЖЕ, Г-ЖА ЧИСТЯКОВА (*въ дверяхъ*).

ЧИСТЯКОВА. Андрей Степановичъ!

БУКА, (*опрометью отскакиваетъ въ другую сторону*). Батюшки! осрамился...

ЧИСТЯКОВА. Что жъ вы не ѣдите въ должность? лошадь давно подана, и Владиміръ Петровичъ васъ ждетъ.

БУКА, (*строго*). Я... я... сейчасъ!.. оставьте меня!.. я... самъ знаю безъ васъ! вы вѣчно только пугаете меня!

ЧИСТЯКОВА. Да я только такъ... прѣвѣжала вамъ напомять... Впрочемъ, извините... мы опять идсмъ гулять.

ЕЛАГИНСКАЯ. Оставься, Варпнька, побесѣлуй съ намп.

ЧИСТЯКОВА. Нѣтъ, мой другъ, погода такъ хороша, что грѣшно сидѣть въ комнатѣ. Пойдемъ съ намп. (*Уходитъ*).

XIII.

ТѢЖЕ, КРОМѢ ЧИСТЯКОВОЙ.

БУКА, (*снова бросается къ дивану и садится*). Ушла!... Какое счастье!..

ЕЛАГИНСКАЯ, (*толко*). Ну, такъ ѣдите, мой другъ?

БУКА. Боже мой! да можно ли отъ васъ уѣхать? и куда же? въ департаментскую атмосферу! Да что я тамъ забылъ? Нѣтъ! божество мое! ваша дружба, ваше расположеніе перевернули вверхъ дномъ всѣ мои правила и мысли! Ужъ я въ департаментъ буду теперь, кажется, не на своемъ мѣстѣ! я перехожу—и хочу вѣчно остаться на этомъ мѣстѣ.

XIV.

ТѢЖЕ И ПЕРСКІЙ, (*въ вицѣ-мундирѣ, въ шляпѣ и съ бумагами*).

ПЕРСКІЙ, (*громко*). Дядюшка.

БУКА, (*снова вскакиваетъ и принимаетъ строгій видъ*). Аіі-аіі! опять!

ПЕРСКІЙ. Дядюшка, я совсѣмъ готовъ: поѣдемте.

БУКА. Пошелъ вонъ!—Поѣзжай одинъ, я пріѣду послѣ, на извожкѣ!.. Завтра!.. ужю!.. пошелъ!

ПЕРСКІЙ. Да вѣдь вы опоздаете—ужъ 11-ть часовъ.

БУКА. Не твое дѣло! я знаю свои обязанности лучше тебя. Пошелъ! вели тамъ всѣ бумаги приготовить къ подписанію. Пошелъ!

ПЕРСКІЙ. Очепъ хорошо-сь!.. Не извольте сердиться, дядюшка, я поѣду одинъ. До свиданья, Анна Львовна! (*тихо*). Bravo! bravo! (*уходитъ*).

ЕЛАГИНСКАЯ. Adieu, Вольдемаръ!

XV.

ТЪЖЕ, *потомъ вскорѣ незамѣтно подходитъ* **ЧИСТЯКОВЪ**.

БУКА. Слава Богу! теперь ужъ намъ никто не помѣшаетъ.

ЕЛАГИНСКАЯ. Ахъ, Андрей Степанычъ, хоть мнѣ и очень будетъ скучно безъ васъ, однако, право поѣзжайте, вы же знаете свои обязанности лучше всѣхъ... служба прежде всего... служба дѣло святое—поѣзжайте!

БУКА, *(съ энергіей)*. Ахъ, Анна Львовна! да изъ какихъ доходовъ я буду мучиться на службѣ! да при вашемъ уопительномъ взглядѣ какаѣ служба не выскочитъ изъ головы?.. да для меня теперь пропадай все на свѣтѣ, ей Богу! да на какой службѣ я обрѣту такое блаженство? Анна Львовна! Ангелъ! Серафимъ! не въ службу, а въ дружбу — одинъ поцѣлуй, только одинъ! *(бросается на колѣна; Чистяковъ входитъ, крадась)*.

ЕЛАГИНСКАЯ. Ахъ, Андрей Степаныч, что вы!... побойтесь Бога!...

БУКА. Богъ милостивъ, прелесть моя! будьте только вы добры и милостивы.

ЕЛАГИНСКАЯ. Ну—ну, перестанте, успокойтесь! Подите на свое мѣсто и сидите смиренно, а не то я разсержусь.

БУКА. *(отбѣгая отъ нее, садится на прежнее мѣсто)*. Сижу, сижу, — и буду сидѣть до тѣхъ поръ, пока вы скажитесь надо мною и скажите: другъ мой! хорошо! поди сюда! ты стоишь этого поцѣлуя.

ЕЛАГИНСКАЯ, *(говоритъ его голосомъ, перемигиваясь съ Чистяковымъ)*. О, мужичны, мужичны! Другъ мой! хорошо! ты стоишь...

ЧИСТЯКОВЪ, *(въ это время всталъ между ними и наклонился къ уху Буки)*.

БУКА, *(въ восторгѣ)*. Что я слышу!... согласна!... ангелъ мой!... *(забывшись, цѣлуетъ Чистякова и ужасается. Елагинская встаетъ и переходитъ сцену. Чистяковъ садится на ея мѣсто)*.

ЧИСТЯКОВЪ. Братъ, что за вѣжности?... Андрей Степановичъ Бука! вѣдь это грѣхъ! служба прежде всего! пора въ департаментъ. Ха, ха, ха!...

БУКА, *(выткнувъ лицо, смотритъ на брата, потомъ отчаянно произноситъ)* Не—по—ѣду!! пошелъ вонъ! вонъ! *(почти силой выталкиваетъ изъ комнаты Чистякова, потомъ опрометью бѣжитъ къ Елагинской, схватываетъ ея руку и кричитъ)*. Жен-

щива ты, или демонъ? смотри... и торжествуй! (бросается передъ нею на оба колына.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ИЗЪ ОДНОЙ КРАЙНОСТИ ВЪ ДРУГУЮ.

Театръ представляетъ садъ. Посрединѣ красивый лѣтний одноэтажный домъ, съ мезониномъ, перилами и террасою, на которую выходятъ изъ дома. Передъ домомъ кусты съ разными цвѣтами. Направо красивыя качели въ родѣ колесницы; веревки обтлупты краснымъ сукномъ. Пальбо разбросаны воланы, кольца, вервочки для игры и проч.; въ разныхъ мѣстахъ дачная легкая мебель.

І.

ЕЛАГИНСКАЯ (сидитъ передъ столикомъ и связываетъ букетъ цвѣтовъ) **ЧИСТЯКОВЪ**, **ЧИСТЯКОВА** и **ПЕРСКІЙ** (выбѣгая изъ дома, хотятъ и аплодируютъ ей).

всѣ. Ха, ха, ха!... браво, Анна Львовна! браво! чудесно! превосходно!

ЧИСТЯКОВЪ. Ну, вы то сдѣлали съ братомъ, что онъ теперь забылъ обо всемъ и ничего знать не хочетъ, кромѣ васъ!

ЕЛАГИНСКАЯ. О, постойте! я изъ него не то еще сдѣлаю! я его заставлю уважать всѣхъ женщинъ, отниму у него всю власть, отлучу умничать, браниться, повелѣвать окружающими и прищужу нехотя согласиться на нашу свадьбу.

ПЕРСКІЙ. О! да ужъ если вы не пустили его на службу, такъ теперь онъ готовъ, я думаю, для васъ на всякія жертвы. А главное: онъ ужасно старается, чтобы вы его поцѣловали. Я давеча помѣшалъ ему.

ЧИСТЯКОВА. Пожалуйста, мой другъ, заставь его извиняться, просить прощенія передо мною,—это меня потѣшитъ.

ЕЛАГИНСКАЯ. Изволь, душа моя, изволь! Даже, если Захаръ Захарычъ позволитъ, заставлю этого Буку и въ тебя также влюбиться.

ЧИСТЯКОВЪ. Ну, нѣтъ, ужъ это будетъ лишнее. (Перскому)

Однако, Володя, я думаю, вѣдь его до сихъ поръ ждуть въ департаментъ.

ПЕРСКІЙ. Какже, непременно! Тамъ, я увѣренъ, всѣ удивляются его неаккуратности, онъ даже больной иногда, а все—таки пріѣзжаетъ непременно.

ЕЛАГИНСКАЯ. А вотъ сегодня и не поѣхалъ!

ЧИСТЯКОВЪ. Да куда же онъ скрылся?

ПЕРСКІЙ. Ахъ, и не спрашивайте! смѣшно сказать!

ВСЪ. Нѣтъ, нѣтъ! пожалуйста, не скрывайте ничего.

ПЕРСКІЙ. Представьте: онъ у меня въ комнатѣ, роется въ моемъ гордеробѣ: помада, щетки, духи такъ и прыгаютъ по столамъ.

ВСЪ. Неужли?... ха, ха, ха!...

ПЕРСКІЙ. Безчеловѣчно, варварски тормозитъ все! Я тайкомъ хохоталъ, какъ дуракъ!... То надѣпетъ мой модный фракъ, то сюртукъ, то схватитъ пальто... а теперь нарядился въ мой лѣтній костюмъ, который я нынче поутру надѣвалъ и передъ зеркаломъ такія сталъ дѣлать гримасы, что я убѣжалъ скорѣй.

(всѣ хохочутъ).

ЧИСТЯКОВЪ. Bravo, Анна Львовна! это онъ дожидается вашего поцѣлуя.

ЕЛАГИНСКАЯ. О! онъ ему не дешево достанется.

II.

ТЪЖЕ, ПИСАРЕВЪ, *(съ портфелемъ, оглядываясь боязливо).*

ЧИСТЯКОВА, *(мужу).* Мой другъ, посмотри, кто—то пріѣхалъ.

ЧИСТЯКОВЪ. Къ намъ? очень радъ.

ПЕРСКІЙ. Ахъ, Боже мой, точно... это Писаревъ изъ департамента,

ЧИСТЯКОВЪ. Вотъ тебѣ разъ!

ПИСАРЕВЪ, *(униженно и робко кланяясь).* Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю кланяться... прошу прощенія...

ПЕРСКІЙ. Здравствуйте, Ксенофонтъ Ермолаичъ! Зачѣмъ вы? къ дядюшкѣ?

ПИСАРЕВЪ. Точно такъ-съ. Прошу прощенія... я, ей Богу, не виновать, но, его сіятельство ждуть Андрея Степаныча... и въ такомъ, знаете, педоумѣніи... и удвляются, и какъ-то особенно сердятся, всѣмъ сдѣлалось страшно такъ... но, я прошу прощенія, я не виновать. Надо сегодня подписать многія бумаги... Здоровы ли? жпвы ли Андрей Степанычъ?

ЧИСТЯКОВЪ. Жпвь, только не совѣмъ здоровъ, п ужъ сегодня, кажется, не поѣдетъ въ должность.

ПИСАРЕВЪ. Ахъ, Господи! да какъ же его-то Сіятельство? прошу прощенія, но я, ей Богу, не виновать!

ПЕРСКІЙ. Да пойдѣмте къ нему, Ксенофонтъ Ермолапчъ, онъ у меня.

ЧИСТЯКОВА. Нѣтъ, постойте, постойте!.. кажется, онъ самъ сюда идетъ.

ЕЛАГИНСКАЯ, *(взлвзъ букетъ).* А я ужъ покуда уйду п спрячусь гдѣ-нибудь, пусть онъ меня пощетъ немножко. *(уходитъ.)*

III.

ТЪЖЕ, *кромя Елагинской и АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧЪ БУКА* *(входитъ торопливо, одѣтый совершенно по дачному, въ платье племянника. На головѣ феска, во рту папироска, страшно молодится, и все поетъ).*

ЧИСТЯКОВЪ, *(смѣется).* Bravo! Какимъ козыремъ раздѣлся!...

ЧИСТЯКОВА. Умора, да п только!

ПИСАРЕВЪ, *(къ Перскому, тихо).* Батюшка! Владиміръ Петровичъ! кто это-съ?

ПЕРСКІЙ. Дядюшка, Андрей Степанычъ, вашъ начальникъ.

ПИСАРЕВЪ. Что вы! Нѣтъ-съ, прошу прощенія, — я не виновать... но это совѣмъ другая особа.

БУКА, *(не замѣчая окружающихъ, ищетъ глазами кого-то и поетъ про себя).*

«Она моя! она моя!

«Мнѣ сердце говоритъ!..»

ЧИСТЯКОВЪ, *(подойдя).* А! здравствуй, братъ!

БУКА, *(разсѣянно и отрывисто)* Здравствуй! *(оттолкнувъ Чистякова, ходитъ по сценѣ).* Гдѣ Анна Львовна? а? гдѣ? гдѣ она?

ПЕРСКІЙ, (подойдя). Дядюшка я къ вамъ...

БУКА, (также) Хорошо, здравствуй! (оглядываясь во все стороны). Что хорошо все это слить на мнѣ, а? красиво? ловко, а?

ПЕРСКІЙ. Отлично!

БУКА, (отходя отъ него). Гдѣ Анна Львовна, а?

ПЕРСКІЙ. Дядюшка! къ вамъ съ бумагами...

БУКА. Хорошо... послѣ... завтра!.. Гдѣ Анна Львовна?

ЧИСТЯКОВА, (подходя). Здравствуйте, Андрей Степанычъ!.. Фу! какой вы bel homme!

БУКА, (также). Здравствуйте! А гдѣ Анна Львовна? (идетъ и натывается на Писарева). Тыфу! что это за урокъ?

ПИСАРЕВЪ, (про себя). Онъ! онъ и есть! (ему) Прошу прощенія... но я, сїи Богу, не виноватъ, Андрей Степанычъ...

БУКА. Хорошо, хорошо, прощаю!.. Пошелъ! ничего!.. (поетъ про себя) «Прости, что я тобой сгараю!..»

ПИСАРЕВЪ. Его Сіятельство сами изволили...

БУКА. Ну, хорошо, я и его прощаю. А гдѣ Анна Львовна, а?

ПИСАРЕВЪ. Анна Львовна-съ?... я, право, не виноватъ, но Его Сіятельство сами велѣли, чтобы я...

БУКА. Что? что? а развѣ ты знаешь ее?

ПИСАРЕВЪ. Да-съ, могу сказать, что службу знаю и повинуюсь...

БУКА. А?.. что ты, братецъ, врешь?.. Фу! какъ ты глупъ!

ПИСАРЕВЪ. Я, право, не виноватъ...

БУКА. Знаю... хорошо... убирайся къ черту!.. Страшно! гдѣ же это Анна Львовна?.. (ищетъ по сценѣ и все поетъ) «Гдѣ ты, о рай мопхъ очей?..»

ПИСАРЕВЪ. Какъ же это, Владиміръ Петровичъ?.. Что я буду дѣлать съ бумагами-то?

ПЕРСКІЙ. Видите, онъ теперь совершенно растроненъ. Поидемте въ домъ, подождите, мы уговоримъ его заняться.

ПИСАРЕВЪ. Помилуйте, да я не смѣю ждать, вѣдь бѣда будетъ!

ЧИСТЯКОВЪ. Да, чтожъ дѣлать, ужъ онъ самъ будетъ отвѣчать за все. Ступайте! (Перскій и Писаревъ уходятъ въ домъ).

ЧИСТЯКОВА, (снова подходя). Андрей Степанычъ! да вы сегодня чудо какъ интересны!

БУКА, (не смотря на нее). Ха! да я это и безъ васъ знаю. Гдѣ же Анна Львовна?

ЧИСТЯКОВА. Ахъ, Боже мой! да ищите—она здѣсь (*особо.*)
Какой уморительный! совѣмъ помѣшался!..

(*уходитъ въ домъ.*)

—
IV.

ЧИСТЯКОВЪ, БУКА.

ЧИСТЯКОВЪ. Братъ! да полно тебѣ шмыгать изъ угла въ уголь! ступай, подвини бумаги. Ты, кажется, совѣмъ забылъ и разлюбилъ службу.

БУКА, (*схвативъ его крѣпко заруку.*) Ее забыть? разлюбить? нѣтъ! (*поетъ.*)

«Я-ль виновать, что ее черноокою

«Больше, чѣмъ душу люблю!..»

ЧИСТЯКОВЪ. Что?.. черноокою службу?..

БУКА, (*посмотрѣвъ ему въ глаза.*) Что?.. убирайся ты съ своей службой! Подайте вы мнѣ Анну Львовну! (*ищетъ въ ку-стакъ, ломаетъ цвѣты и кличетъ*) Анна Львовна! гдѣ вы, мой ангелъ? Анна Львовна! да полноте прятаться...

ЧИСТЯКОВЪ, (*свиснувъ.*) Совѣмъ одурѣлъ, бѣдняга! вотъ ужъ именно: изъ одной крайности да въ другую! Фанфаронится, поетъ, мечется, какъ угорѣлый (*увидя, что Бука забрался въ куртину.*) Да полно, братецъ! ты переломашь у насъ всѣ цвѣты!.. Куда ты это залѣзъ?

БУКА, (*спрятанный въ куртину поетъ:*)

«Мой другъ! хранитель, ангелъ мой!

«О, ты, съ которой нѣтъ сравненья!..» и проч.

Анна Львовна! гдѣ вы?.. ой!.. оцарапалъ носъ... (*выльзая, смотритъ пальцо за кулисы.*) Ахъ! вонъ она, кажется.. тамъ! тамъ! (*напѣваетъ изъ Волшебнаго сѣрѣлка.*)

«Спѣшимъ привѣтствовать тебя,

«Любезная подруга!.. (*убѣгаетъ, приплывал.*)

ЧИСТЯКОВЪ. Ха, ха, ха!.. (*увидя Елагинскую, выходящую украдкой изъ дома.*) Подите сюда, пожалуйста!

V.

ЧИСТЯКОВЪ, ЕЛАГИНСКАЯ.

ЧИСТЯКОВЪ. Ну, Анна Львовна, посмотрите, какъ онъ уродски нарядился!.. и вездѣ ищетъ васъ, какъ сумасшедшій.

ЕЛАГИНСКАЯ. Я все видѣла изъ окна и хохотала отъ души. Между тѣмъ, научила Вольдемара, какъ и когда просить согласія на женитьбу, надо теперь пользоваться обстоятельствами. Жаль только этого бѣднаго господина, который прѣвѣхалъ съ бумагами; онъ все проситъ прощенія и — чуть не плачетъ!

ЧИСТЯКОВЪ. Что мудренаго, человекъ малепькій, пять же запуганъ. Я пойду его успокоить, а вы, однако-жь, хоть какъ-нибудь заставьте брата подписать бумаги! (*уходитъ*).

VI.

ЕЛАГИНСКАЯ (*садится на качели потомъ вбѣгаетъ*) **БУКА.**

ЕЛАГИНСКАЯ. Посмотримъ, Андрей Степанычъ, посмотримъ, какъ-то вы не позволите племяннику жениться?.. Нѣтъ, теперь вы въ моихъ рукахъ!.. (*кличетъ.*) Андрей Степанычъ! гдѣ вы?... Андрей Степанычъ!

БУКА, (*за кулисами.*) Ау! (*вбѣгая.*) Творецъ мой! да вы здѣсь! Фу! измучился!.. (*подбѣгая и старался скорчить молодца.*)

Ахъ. Аптека!

Что же это?

Я усталъ искать!

А вы съли

На качели!..

Дайте покачать!

(*начинаетъ осторожно качать и нѣжничать*).

Ангель! душка!

Вы игрушка!

Право, не шутя...

Я же прямо,

Точно мама

Няньчаю дитя!

Спи родная,

Золотая,

Ангель надъ тобой!

Мой амурчикъ,

Мой огурчикъ.

Персикъ дорогой!

Спи жизнеюкъ!
 Мой ребенокъ...
 Цѣлю я спюю.
 Покачаю,
 Баю, баю...
 Баюшки баю!

(Во время куплета, другіе дѣйствующие смотрятъ въ окна и смѣются надъ Букой, но Писаревъ въ отчаяніи.)

ЕЛАГИНСКАЯ. Хорошо, Бука, очень хорошо! Однако, надо сказать, оставя всё ваши шутки, что ужъ, кажется, я вышла изъ дѣтей, а вы, мой почтенный другъ, и по-прежнему!

БУКА. Ахъ, нѣтъ, напротивъ: съ вами я часъ отъ часу все молодѣю, перехожу въ тотъ счастливый, беззаботный возрастъ, когда человекъ вѣчно веселъ, доволенъ, проказитъ направо, любитъ, ждетъ поцѣлуя и готовъ для него на всевозможныя глупости.

ЕЛАГИНСКАЯ. Это я вижу. Какъ вы нынче изящно, фантастически одѣты! чудо!

БУКА, (самодовольно.) А! вы замѣтили?.. я этого ожидал! О! я какъ примусь дурачиться, такъ бываю чудовищно хорошъ, звѣрски обольстителемъ! Впрочемъ, узнавши васъ, нельзя не сдѣлаться львомъ перваго разряда!

ЕЛАГИНСКАЯ, (сходя съ качель.) Вы ошибаетесь!. Во первыхъ: я васъ увѣряю, что Варпѣйка ничѣмъ не хуже меня во всѣхъ отношеніяхъ; и если вы хотите всегда пользоваться моею дружбой, то отнынѣ не должны оскорблять ее ни желчной вашей бранью, ни насмѣшками, однимъ словомъ: уважать ее также, какъ меня, потому, что она премилая женщина, добрая, прекрасная хозяйка и рѣдкая жена!

БУКА. Что я слышу!.. да вы, я не знаю, что — то сверхъестественное! вы меня поражаете! Молодая женщина защищаетъ и хвалитъ себя подобною!.. Анна Львовна! да въ васъ душа совсѣмъ не XIX — го вѣка!

Можно-ль слушать хладнокровие?
 Какъ не вѣрить чудесамъ!
 Да вы просто, Анна Львовна,
 Родились не здѣсь, а тамъ!
 Вамъ грѣшно водиться съ нами,
 Въѣлъ теперь, какъ посравнишь:
 Что же я — то передъ вами?
 Въ человѣчьемъ платьѣ мышь!

ЕЛАГИНСКАЯ. Вотъ и это неправда! Я думаю объ васъ гораздо лучше, и хочу, чтобы вы были только по фамилии Бука, а жили бы и вели себя, какъ всѣ порядочные люди. Хотите играть въ кольца?.. или въ волянь?

БУКА. О! во что вамъ угодно! я ужъ вижу, что я теперь пропадаю, отпѣтая душа! *(беретъ кольцо и палку.)*

ЕЛАГИНСКАЯ. Такъ будемъ играть втроемъ. Позовите Варвару Андреевну, помиритесь съ нею торжественно, попросите прощенія и начнемъ!

БУКА. Ахъ, не могу! она будетъ смѣяться надо мною...

ЕЛАГИНСКАЯ, *(съ сердцемъ.)* А! такъ хорошо же! я уѣду отсюда, вы не получите поцѣлуя и больше меня не увидите никогда.

БУКА, *(передразнивал, шутя.)* Ти — ти — ти!.. разсердился! Боже правосудный! она и сердится — то упонительно!... *(видя ея движеніе.)* Ну, ну, ну, все сдѣлаю, только останьтесь. *(декламируя.)*

«Возьми всѣ лавры и трофеи

«За свой оградный поцѣлуй!»

(Кричитъ рѣшительно, обращаясь къ дому.)

Варвара Андреевна! madame! Veut-elle faire une partie? Je vous en prie!

VII.

ТѢЖЕ, ВАРВАРА АНДРЕЕВНА ЧИСТЯКОВА, *(въ окнѣ.)*

ЧИСТЯКОВА. Сейчасъ! сейчасъ! бѣгу!

ЕЛАГИНСКАЯ. Смотрите-же, помиритесь совершенно съ нею, это и вашему брату будетъ пріятно.

БУКА. Готовъ на все!

ЧИСТЯКОВА, *(вбѣгал.)* Что такое? вы хотите играть вмѣстѣ со мною?

БУКА, *(разшаркиваясь.)* Хочу — съ!.. Варвара Андреевна!.. гмъ!.. сдѣлавшись человѣкомъ, на себя не похожимъ, я извиняюсь передъ вами. *(показывал на Елагинскую.)* Эта прелестная дама сдѣлала изъ моей философской головы такую огромную пустышь, что вы не должны ничему удивляться. Миръ и дружба! *(Елагинской тихо.)* Что еще прикажете?

ЕЛАГИНСКАЯ, *(тихо.)* Возьмите за руку и обнимитесь, какъ друзья.

БУКА, *(Чистяковой.)* Дайте вашу руку и... обнимите Буку!

ЧИСТЯКОВА. О, съ удовольствіемъ! *(даетъ руку и обнимаетъ его.)*

ЧИСТЯКОВЪ, *(кричитъ изъ окна дома.)* Братъ! что ты! съ ума сошелъ!

БУКА. Молчи! не твое дѣло! О! теперь я, право, похожъ на Спидка въ Эсмеральдѣ, и скажу также, какъ онъ: «слабая горлица, ты въ рукахъ у коршуна!... Ну, теперь давайте играть въ кольца!»

ЕЛАГИНСКАЯ. Да, да, теперь можно.

БУКА, *(подбѣгая.)* Ахъ! а поцѣлуй-то вашъ?

ЕЛАГИНСКАЯ. Послѣ игры.

БУКА. Смотрите-же! *(начинаютъ играть въ кольца, стоя въ трехъ углахъ сцены!)*

ЧИСТЯКОВА. *(играя.)* Анна Львовна, вы, просто, чудеса дѣлаете.

ЕЛАГИНСКАЯ, *(бросая кольцо.)* О, надѣюсь! Ловите, Андрей Степановичъ!

БУКА, *(прыгая.)* Ля-ля-ля!.. *(поетъ)* «Лови, лови
«Часы любви!»...

ПИСАРЪВЪ. *(громко изъ дому, показывая бумаги.)* Батюшки! что-жъ мнѣ дѣлать съ бумагами-то?... Скажите! меня выгонять изъ службы! а я, ей Богу, не виноватъ!

ПЕРСКІЙ, *(сму оттуда-же.)* Да вы видите, что онъ и безъ того очень занятъ.

ЧИСТЯКОВЪ, *(изъ другаго окна.)* Да, да, теперь ужъ ему не до бумагъ! *(кричитъ играющимъ)* Господа! А что-жъ вы насъ не пригласите?

БУКА, *(занимаясь игрой.)* Пошелъ ты! Тутъ надо имѣть ловкость, граціозность... Надо, братецъ, такъ сказать, хватать, ловить на лету... Эхъ! Не попалъ!... Да вы слишкомъ высоко подбрасываете, надо вотъ такъ, понимаете? *(бросаетъ кольцо)* Вотъ!

ЕЛАГИНСКАЯ. Хорошо; ужъ вы насъ не учите! Однако, Андрей Степановичъ, скажите: вы вѣдь все еще на службѣ? не въ отставку?...

БУКА, *(также.)* Ля-ля-ля!... Какъ-же, на службѣ!...

ЧИСТЯКОВА. И, кажется, большой окладъ получаете?

БУКА, *(также.)* Да... таки довольно... Но за то у меня

и работы пропасть!... Повѣрите ли: минуты нѣтъ свободной... *(бросаетъ кольцо)* Ловите! Ловите! Служба меня измучила!... безъ меня ничего не дѣлается... Ля-ля-ля!..

ПИСАРЕВЪ, *(оттуда же умоляющимъ голосомъ)*. Андрей Степановичъ! Батюшка!

ПЕРСКІЙ. Дядюшка!

БУКА, *(не оборачиваясь)*. Что такое?... Отстаньте, пожалуйста!

ПИСАРЕВЪ. Ради Бога, отпустите меня!

ПЕРСКІЙ. Дядюшка, да вы хоть только подпишите бумаги.

БУКА. Убирайтесь вы, пожалуйста! Ля-ля-ля!... есть мнѣ время заниматься такими-то пустяками... Ля-ля-ля!..

ЧИСТЯКОВЪ, *(насмѣшливо)*. Въ самомъ дѣлѣ, господа, не мѣшайте! У человѣка и безъ того дѣла по горло, сами видите.

БУКА, *(вслушавшись въ послѣднія его слова, продолжаетъ)*. Да, много! Они велятъ!... Имъ все мало... Они тамъ въ департаментѣ думаютъ, что у меня десять рукъ и... двѣ головы... Ловите! ловите!

ЕЛАГИНСКАЯ. Ужъ не довольно ли? Я начинаю уставать.

БУКА. Нѣтъ, нѣтъ! займитесь еще немножко... Я наблѣ руку, размахался... Ля-ля-ля!... Преприятное занятіе!

ЕЛАГИНСКАЯ. Нѣтъ, нѣтъ, довольно! Я устала, въ самомъ дѣлѣ!

ЧИСТЯКОВА. Да и я немножко устала.

БУКА. Устали!... О, слабыя созданія! То ли дѣло мы, молодежь! Хоть всю ночь проиграемъ — ничего! все ни почемъ! *(кашляетъ)*.

«Юность, юность веселись!

«Веселись, пока цвѣтешь...

ЕЛАГИНСКАЯ. Гдѣ же намъ за вами гояться! Ахъ, милая Варпнька, пожалуйста, пока мы будемъ отдыхать, прикажите намъ приготовить мороженаго.

БУКА. Ахъ, да! Это хорошо! Сегодня что-то особенно жарко...

ЧИСТЯКОВА. Изволь, извольте, сколько угодно. *(уходитъ въ домъ)*.

ЕЛАГИНСКАЯ. Благодарю. Да не уходите на долго.

БУКА, *(хватая ее за руку)*. Merci!

VIII.

ЕЛАГИНСКАЯ, ВУКА.

ВУКА, (*Елагинской*). А она, въ самомъ дѣлѣ, порядочная бабочка.

ЕЛАГИНСКАЯ. Да вѣдь я вамъ говорила! Ну, теперь вы займетесь покуда дѣлами.

ВУКА. Ни за что на свѣтѣ! Я жду отъ васъ обѣщаннаго поцѣлуя.

ЕЛАГИНСКАЯ. Нѣтъ, погодите еще.

ВУКА. Ангель мой! Да вѣдь вы сами обѣщали послѣ игры.

ЕЛАГИНСКАЯ. Да, но игра еще не кончена.

ВУКА. А! такъ мы, значитъ, весь вечеръ будемъ играть и дурачиться?... Очень радъ! Миѣ нужно развлеченіе... Я такъ заваленъ работой... Во что же мы будемъ играть?

ЕЛАГИНСКАЯ. Но, послушайте: можно два дѣла дѣлать вдругъ, на это, я думаю, васъ доставитъ. Вотъ попрыгайте черезъ веревочку, но не забывайте, что васъ давно тамъ ждуть, видите?

ВУКА. Ахъ, Боже мой, да я сегодня отдыхаю. Я, просто, не хочу ничего дѣлать! У меня праздникъ!... Такъ вамъ угодно посмотрѣть на мою легкость?

ЕЛАГИНСКАЯ. Да, да, пожалуйста! Но, не забывайте и службы.

ВУКА, (*принявъ черезъ веревку*). Ахъ! сегодня служба—сама по себѣ, и я — самъ по себѣ!... А? посмотрите, какъ я легко!

IX.

ТЪЖЕ, ПИСАРЕВЪ, ПЕРСКІЙ.

ПИСАРЕВЪ, (*Перскому съ отчаяніемъ*). Нѣтъ, Владиміръ Петровичъ, пусть она хоть прибьютъ меня, а ждать больше нельзя! Посмотрите: они забыли и думать о дѣлахъ. У меня вся душа изныла отъ страха, а они — себѣ прыгаютъ!

ПЕРСКІЙ. Ну, хорошо, атакуемъ его вмѣстѣ. Я вѣдь тоже пмѣю до него очень важное дѣло. Дядюшка!

ВУКА, (*продолжалъ*). А? Зачѣмъ ты пришелъ, новѣса? Что ты у меня ничѣмъ не занимаешься?... Володя, смотри! Этакъ братъ, здѣсь пынче ничего не-выслужишь.

ПЕРСКІЙ. Дядюшка .. Я вамъ давно собираюсь объявить...
Выслушайте только.

БУКА, *(продолжая).* Убрайся къ черту! *(ей)* А вамъ очень нравится эта забава?

ЕЛАГИНСКАЯ. Чрезвычайно! Только вы хорошенько!... Прыгайте выше, выше!

БУКА. Извольте, мой ангелъ! не смѣю ослушаться.

ЕЛАГИНСКАЯ. Еще бы! Иначе я могу такъ разсердиться, что бѣда вамъ!

БУКА. О, пѣтъ! Все сдѣлаю, только не сердитесь.

Хоть булите вдвое вы напризвѣй.

Для насъ мнѣ жизнь не дорога!

Я не слуга моей отчизнѣ.

А вашъ покорнѣйшій слуга!

И вѣдь скажу, оставя шутки,

Что родъ мужской—предъ вами пасъ!

И что у насъ по женской дудкѣ

Такъ пляшутъ зноіе подь-часъ!

ПИСАРЕВЪ. Да что же это? *(ему)* Батюшка! Андрей Степанычъ! Спасите хоть мою голову!

ПЕРСКІЙ, *(въ это время мигаетъ Елагинской, чтобы она ушла.)*

БУКА. А? Кто тамъ еще меня беспокоитъ? Убирайтесь къ черту! *(ей)* Что? ловко? хорошо? а?

ЕЛАГИНСКАЯ, Прелесть! *(незамѣтно скрывается въ домъ).*

ПЕРСКІЙ. Дядюшка! Да вѣдь онъ съ дѣлами.

БУКА. Вотъ большое мнѣ дѣло! зачѣмъ навязывать на шею

«Дѣла, давно минувшихъ дней.

«Преданья старины глубокой!»

Мало у меня безъ того дѣла! завтра приходи!.. Скажи, что я бо-
лѣнь... не могу пошевелиться...

ПИСАРЕВЪ. Да чѣмъ же вы нездоровы? Его Сіятельство
требуютъ, чтобы сегодня же бумаги были отосланы... Да вы
же и сами послѣ зададите мнѣ говку...

БУКА. Ахъ! подлѣ милой Анны Львовны я ничего не хо-
чу знать! *(не видя ее)* Ахъ! она ушла!.. Анна Львовна! гдѣ
Анна Львовна?.. Анна Львовна!.. *(скрывается въ глубину сада,
продолжая скакать черезъ веревочку).*

ПИСАРЕВЪ, *(бѣжитъ вслѣдъ за нимъ и кричитъ).* Батюшка,
Андрей Степанычъ! отпустите меня! я не виноватъ.

ПЕРСКІЙ. Дядюшка! постоите, ради Бога! дядюшка! выслушайте хоть меня .. (также уходит за нимъ).

(За кулисами слышенъ громкій крикъ Буки, идѣ Анна Львовна).

X.

ЧИСТЯКОВЪ (выходя изъ дома, хохочетъ во все горло).

ЕЛАГИНСКАЯ (выходитъ за нимъ же).

ЧИСТЯКОВЪ, (ей). Ха! ха! ха!.. Посмотрите! посмотрите! пустился прыгать, какъ старый козелъ!.. Ну, Анна Львовна, ищеніе ваше доведетъ брата до того, что онъ завтра не шутя сляжетъ въ постель. (смотря въ глубину). Посмотрите, вѣдь тѣ оба и догнать не могутъ!.. Ахъ, батюшки! бѣдный Писаревъ запнулся и покатился вверхъ ногами!.. ха! ха! ха!..

ЕЛАГИНСКАЯ. Ахъ, какъ мнѣ жаль его! а пуще бѣднаго Вольдемара, если онъ сегодня не осмѣлится рѣшительно объясниться съ старикомъ и объявить о нашей свадьбѣ.

ЧИСТЯКОВЪ. Нѣтъ, видно, что ужъ онъ теперь не боится его и ловить удобную минуту... однако, вы прячьтесь всячески отъ стараго сумасброда, особливо, если онъ будетъ упрямяться.

ЕЛАГИНСКАЯ. О! да ужъ не беспокойтесь! я знаю, что старикъ съ нетерпѣніемъ добивается моего поцѣлуя: но онъ его не получитъ, пока Вольдемаръ не выпроситъ позволенія жениться, только вы, пожалуйста, поддержите Вольдемара, если онъ струситъ. (смотря въ глубину). Ахъ! вотъ они опять сюда!.. старикъ все еще меня ищетъ, хорошо же, пусть его! (прячется за куртину. За кулисами передъ выходомъ Буки слышны голоса: дядюшка, Андрей Степановичъ!..)

XI.

ЧИСТЯКОВЪ, БУКА. (продолжаетъ скакать черезъ веревочку). **ПЕРСКІЙ И ПИСАРЕВЪ.** (догоняютъ его) **Г-ЖА ЧИСТЯКОВА** (смотритъ изъ дома и смѣется).

БУКА. Анна Львовна! гдѣ Анна Львовна?

ЧИСТЯКОВЪ. Братъ! постой!

ПИСАРЕВЪ и ПЕРСКІЙ. Постоите, ради Бога!

БУКА. Подайте мнѣ Анну Львовну! (*бѣжитъ въ домъ, Писаревъ за нимъ*). Варвара Андреевна, куда скрылась Анна Львовна?

ПЕРСКІЙ. Нѣтъ, съ нимъ сего дня не сладишь, онъ ничего слушать не хочетъ!.. А бѣдный Писаревъ, бѣжавши за нимъ, такъ шлепнулся, что чуть не вывихнулъ погн. Однако, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ Анна Львовна?..

ЧИСТЯКОВЪ. Молчи! она спряталась, чтобы дать тебѣ время объясниться съ дядей, Смотри же не робѣй! покажи свой характеръ! Завтра, можетъ быть, онъ опять переимѣнится—тогда все пропало!

ПЕРСКІЙ. Да, я ужъ рѣшился, я знаю, что надо ему сказать, только надо, чтобы онъ хоть усталъ, по крайней мѣрѣ, и уѣлся на мѣстѣ.

ЧИСТЯКОВЪ. А вотъ погоди, я его такъ озадачу, что онъ у меня перестанетъ бѣгать.

(*въ домъ слышенъ голосъ Буки: отстань, дуракъ! сиди жди—у меня теперь свое дѣло*).

ХІІ.

ТЪЖЕ и БУКА, (*вбѣгая усталый и разстроенный*).

БУКА. Анна Львовна! куда скрылась Анна Львовна?.. братъ! племянникъ! что случилось съ Анной Львовной?.. мнѣ надо бы того... сказать Аннѣ Львовнѣ!..

ЧИСТЯКОВЪ. Да не ищи ее, она, братъ, уѣхала. (*уходитъ за Елаицкой, милая племяннику, чтобы онъ началъ говорить*).

БУКА. Что?.. какъ?.. Анна Львовна уѣхала? неправда! ты шутишь—она здѣсь! ей Богу, здѣсь! (*садится*) Отдохну немножко— и опять побѣгу искать!..

ПЕРСКІЙ. (*про себя*). А! уходился! хорошо же... теперь надо ему сказать въ настоящемъ видѣ, до чего можетъ довести его такое сумазбродное поведеніе. (*подходит*). Дядюшка!

БУКА. Ну, что ты опять?.. Что тебѣ?..

ПЕРСКІЙ, (*говоритъ почтительно*). |Вамъ... очень нравится Анна Львовна?

БУКА. Ахъ, братецъ, чрезвычайно! дивная, обворожительная женщина!.. общала меня поцѣловать!.. ахъ!.. я, просто, околдованъ ею!..

ПЕРСКІЙ. Я тоже-съ.

БУКА. Что?! ты тоже?

ПЕРСКІЙ. Тоже, дядюшка!.. да мнѣ это и простительно.

БУКА. Простительно?.. ахъ ты молокососъ! а служба?... служба?..

ПЕРСКІЙ, (*съ намъпріемъ*). Да служба, дядюшка, сама по себѣ, а Анна Львовна сама по себѣ.

БУКА. Гмъ!.. вотъ что! это мои слова... понимаю... Ну такъ что же, мой другъ?.. Ну? ну?

ПЕРСКІЙ. Да больше ничего, дядюшка, какъ то, что я такъ же влюбленъ страстно въ Анну Львовну; полагая, что когда вы это узнаете, то...

БУКА. Да... да... такъ чего же ты надѣшься?.. (*особо*) Вотъ отъ нея еще одинъ сумасшедшій! (*ему*) ну? ну?

ПЕРСКІЙ. Да; я въ полной надеждѣ, что любимъ ею взаимно, и что вы, какъ истинный благодѣтель мой, окажете мнѣ милость...

БУКА. Какую милость?

ПЕРСКІЙ, (*съ достоинствомъ*). То есть, не станете сами за нею ухаживать: видите ли, дядюшка, это мнѣ чрезвычайно не нравится! это поведеніе вамъ... извините, кажется, не къ лицу. Она прекрасная женщина, но не для васъ! вамъ надо думать о другомъ.

БУКА. Ну, братецъ, мнѣ жаль тебя, а ужъ это невозможно! ужъ извини! ужъ видно твое несчастіе такое!

ПЕРСКІЙ, (*серьезно и холодно*). Да вы, дядишка, обо мнѣ не беспокойтесь, я-то собственно тутъ нисколько не страдаю... но мнѣ больно за васъ! Видите ли, вы теперь дошли до такого состоянія, что я, какъ благородный человѣкъ, считаю долгомъ спасти васъ отъ большой опасности. Послушайте: до сихъ поръ и я, и все наше начальство, почитали васъ примѣрнымъ и строгимъ человѣкомъ на службѣ, всѣ другіе — благочестивымъ христіанствомъ, такъ знаете ли, каково мнѣ будетъ слышать, если вдругъ начнутъ теперь всѣ говорить, что мой дядюшка только *прикидывался* благочестивымъ, что это все ложь и обманъ, что, напротивъ, онъ и ханжа, и самый отчаянный волокита! что онъ, для своей прихоти, даже отбиваетъ теперь у племянника невѣсту и проч.»—Понимаете ли, какъ это не хорошо будетъ! мнѣ, какъ молодому человѣку, это такъ будетъ больно, стыдно слышать, что я буду краснѣть и

за васъ, и за себя. Нѣтъ, дядюшка, бывши въ вашихъ лѣтахъ и званіи, я бы не сталъ бросаться изъ одной крайности въ другую для того, чтобы сдѣлаться предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ! Во всякомъ случаѣ, что бы вы теперь ни дѣлали, но я однажды и навсегда скажу вамъ: что если вы будете такъ продолжать, то я оставляю васъ навсегда и потеряю къ вамъ всякое уваженіе. Извините!

Я сталъ служить подъ вашимъ руководствомъ,
 Черезъ васъ вполне долгъ службы я узналъ,
 И что достигъ трудомъ и благородствомъ,
 То не отдамъ за весь вашъ капиталъ!
 Скорѣй лишусь невѣсты и пиѣнья,
 Скорѣй готовъ я жизнь свою отлатъ,
 Но не хочу лишиться уваженья
 И формуляръ на службѣ замарать!

БУКА. (вслушавшись, крѣпко задумывается; потомъ начинаетъ понемногу снимать съ себя феску, платочекъ, даже хочетъ снять куртку). Гмъ!.. да... да... оно... ко-печ-но... Анна Львов... т. е. департам... т. е. проповѣдыв... Володя! другъ мой! вели подать мое старое платье!..

ПЕРСКІЙ. (обрадовавшись). Что я слышу!.. Ахъ, нѣтъ, дядюшка! зачѣмъ же вы раздѣваетесь?.. Это не нужно!

БУКА. (слабымъ, кроткимъ голосомъ). Нѣтъ, вѣдь это все твое... я, пожалуй, еще истаскаю. замараю... за чѣмъ быть вороной въ чужихъ перьяхъ?.. Во-ло-дя, ноцѣлуй меня грѣш-наго!.. знаешь ли что?

ПЕРСКІЙ. Что, дядюшка? что съ вами?

БУКА. Такъ... что-то... какъ будто вотъ тутъ... (показавъ на сердце) вдругъ оборвалось!.. Но ты не бойся, я еще успѣю представить тебя къ наградѣ.

ПЕРСКІЙ. Помилуйте, дядюшка, я совсѣмъ не для этого...

БУКА. Нѣтъ, пѣтъ, ты все-таки стоишь! у тебя точно благородное сердце. Ты любишь меня, я вижу; ты въ прекрасныхъ, благородныхъ формахъ закатилъ мнѣ такую нравственную оплеуху...

ПЕРСКІЙ. Ахъ, дядюшка, извините... повѣрьте, что я...

БУКА. (перебивая его). Ничего, братецъ! спасибо!.. мнѣ это полезно. Да, я точно какъ дуракъ забылся!.. Спасибо, что ты во время остановилъ. О! я вижу теперь, что и въ молодомъ поколѣніи есть кое-что истинно доброе. Да! я крайнѣ глупо повелъ себя! это все вышло оттого, что я молодость-то свою провелъ немножко того... подленько! такъ это во

миѣ и вспыхнули, ужъ знаешь, остатки глупой молодости. Впрочемъ, ты не бойся: я твоей Аннѣ Львовнѣ не сдѣлалъ еще зла ни столько! ей Богу, я еще не цѣловалъ ее, только ручку, Володя, ручку...

ПЕРСКІЙ. Да ничего, дядюшка; если вы позволите миѣ жениться на ней, такъ цѣлуйте, сколько угодно!

БУКА. (быстро) Нѣтъ! пѣтъ! женись скорѣй и ужъ лучше не подпускай меня къ ней! Я вѣдь слабая, испорченная тварь; ты самъ видишь, что я въ состояніи отважится на всякое свинство. Охъ! стыдно на людей смотрѣть! Пожалуйста, стаци съ меня все это фацфаронство, дай миѣ влѣзть опять въ свой достопочтенныйи виць-мудиръ. Охъ! я думаю, какъ братья и его жена хохочутъ надъ Букой!...

ПЕРСКІЙ. Помилуйте, Захаръ Захарычъ вамъ все простилъ, какъ вы помирились съ его супругой.

БУКА. (жалобнымъ тономъ) Ну, это еще слава Богу... Охъ!... Володинька, такъ проводи меня дурака какъ-нибудь незамѣтно на мою половину, я переодѣнусь, помолюсь Богу и поѣду съ Писаревымъ въ городъ кончить дѣла. Охъ! стыдно!

Я слуга былъ постоянный,
А теперь со всѣмъ сталъ плохъ!
Согрѣшилъ я окаянный!...
По дѣламъ попуталъ Богъ!

ПЕРСКІЙ. Да по полноте унывать! Посмотрите какъ я веселъ! ..

БУКА.

Чистый смотреть безъ оглядки;
Я же—самъ не свой на взглядъ!
Значить, совѣсть не въ порядкѣ,
Хвостъ за арканъ... виновать!

(уходитъ въ дверь)

ХІІІ.

ЧИСТЯКОВЪ И ЕЛАГИНСКАЯ (выходятъ осторожно, смотря на уходившаго Буку. Перскій, провожая дядю, оборачивается къ Елагинской съ торжествующимъ лицомъ, и какъ только Бука скрывается за двери, Перскій возвращается на аван-сцену).

ЧИСТЯКОВЪ. Bravo, Владиміръ! молодець! ты довершилъ побѣду и разбилъ врага на голову!

ПЕРСКІЙ. Авна Львовна! теперь я смѣло могу сказать, что вы — моя!

ЕЛАГИНСКАЯ. *(даётъ ему руку)*. Да, да, мой другъ. Я слышала все и отъ души радовалась, что вы умѣли воспользоваться обстоятельствами.

ЧИСТЯКОВЪ. А все таки мы больше всего обязавы вамъ, Авна Львовна! — Бѣдный братъ! Какъ онъ присмирѣлъ!... Умора да и только!...

XIV.

ТѢЖЕ, ЧИСТЯКОВА *(и потомъ БУКА.)*

ЧИСТЯКОВА. Ну, госнола, Андрей Степанычъ теперь опять кажется въ своемъ видѣ, переодѣвается, бранить вслухъ самъ себя, торопится въ городъ на службу, извиняется передъ Писаревымъ, что задержалъ его, а Писаревъ отъ радости у него просить прощенія... Чуть не цѣлуются!... Что все это значить?

ЧИСТЯКОВЪ. А то, что онъ, наконецъ, образумился и далъ свое согласіе на ихъ свадьбу.

ЧИСТЯКОВА. Неужли? Славу Богу! Я очень рада!...

ПЕРСКІЙ. Ахъ! еслибъ вы видѣли, какъ ему совѣстно стало! даже сталъ просить, чтобъ я не давалъ ему ни разу цѣловать мою невѣсту...

ЕЛАГИНСКАЯ. Что за вздоръ! Да я теперь обязана сама поцѣловать его.

ПЕРСКІЙ. Позвольте, вотъ и онъ съ Писаревымъ ѣдетъ въ городъ! Ого! какъ живо переодѣлся!

БУКА. *(съ вице-мундиръ, застегнутомъ наглухо; на голову шляпа, въ рукахъ портфель и палка. Идетъ, опустивъ глаза; за нимъ идетъ Писаревъ)*. Скорѣй, скорѣй, Писаревъ, я тамъ лучше самъ объяснюсь и поправлю все дѣло.

ЕЛАГИНСКАЯ. Андрей Степанычъ! Теперь в, какъ ваша добрая родственница, при веѣхъ должна сама поцѣловать васъ, въ знакъ дружбы и примиренія, *(бросается къ нему на шею и цѣлуетъ)*.

БУКА. *(съ крикомъ роуля портфель и палку)*. Батюшки, сама поцѣловала! Сама! О, искушеніе! Друзья мои! Чѣмъ я это заслужилъ? Посмотрите, какая Авна у меня на шеѣ!

БУКА, (обильно Елагинскую сквозь слезы) Еще! — Володька! я тебѣ не отдамъ ея!

ВСЪ. Какъ, Андрей Степанычъ! такъ вы опять за старое?..

БУКА. (съ отчаяніемъ) Нѣтъ, не за старое, я ухватился за молодое! Господи! какая талія! какія формы! Володька! вѣдь я говорилъ тебѣ, что я слабая тварь!

ЧИСТЯКОВЪ. Братъ! опомнись!

БУКА. (громко) Не въ состояніи!

ЕЛАГИНСКАЯ. Андрей Степанычъ! что вы? а благочестіе?..

ПЕРСКІЙ. Дядюшка! а служба?

ЧИСТЯКОВЪ. А г. Писаревъ.

ЧИСТЯКОВЪ. Вѣдь онъ все видѣлъ и, пожалуй, всему Департаменту расскажетъ.

БУКА. (опомнившись) Ахъ, я старый урокъ! виноватъ, виноватъ,—опять забылся. О, Господи!.. (грозя строго Писареву.) Смѣй ты у меня рассказывать, я тебя съѣмъ!

ПИСАРЕВЪ. (клянясь) Да я, ей Богу, не виноватъ!

БУКА. Ну—ну! ни гу—гу! Поѣдемъ! прощайте, друзья! служба—святое дѣло! (Елагинской) Благодарю за два поцѣлуйчика!.. Но, только пожалуйста, если хотите, чтобы я васъ любилъ, то говорите всѣмъ, что Андрей Степанычъ самая безгрѣшная душа.

ВСЪ. Хорошо! хорошо!

БУКА, (къ публикѣ.)

Чуть не выкинулъ я штуку,
Но опомнися опять;
Такъ прошу покорно Буку
За грѣхи не осуждать.
Въ судъ и авторъ дѣло вносить,
Просить кетати доложить ..
А Андрей Степанычъ просить
Въ пользу автора рѣшить.

4945.7025

